

ЕКАТЕРИНА ШЕЛЬМ

16+

Том 3

ПОЗДНОРОЖДЁННЫЕ

Екатерина Шельм

Позднорожденные. Том 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67710032

SelfPub; 2022

Аннотация

Эльфы не стареют, ничего не забывают и никогда не говорят о любви. И если ты смертная – почет придется завоевывать своими руками. И хоть простая девушка и украла сердце эльфийского принца, он украл будущее и у нее и у всех людей. И все же Софи отправляется в неизвестность, чтобы сделать то, что должно – спасти Линара, а дальше... Она не знает будет ли у нее это "дальше".

Екатерина Шельм

Позднорожденные. Том 3

Глава 1 Вечный принц

Эльтан не любил танцевать, но его мнения на этот счет никогда не спрашивали. Он был рожден кайране Сиршаллена, а значит едва вошел в возраст, стал слишком завидным женихом для любой эльфийки из почтенной семьи. И был должен одарить танцем каждую деву, что, так или иначе, выказывала ему расположение.

На своем первом пиру Эльтан не желал танцевать вовсе, а в итоге половину вечера провел стирая сапоги о мозаичный пол. Нужно было уважить всех красавиц Сиршаллена, а также и дочерей владык других городов, и ни одну не обидеть. У владык Сигайны, с которыми его отец хотел породниться, еще не было детей и он был свободен сделать выбор по сердцу. Многие девы желали попытать счастья и успеть стать единственной для юного кайране Сиршаллена.

Малышка Сильвин дразнила его, называя то Сладким принцем, то Медовым суженым, намекая, что девушки слетаются к нему словно пчелы. Частенько ревновала старшего брата чистой детской ревностью, когда его внимания жаждали все кругом.

Эльтан вспоминал то время с досадой и горечью. Он был молод, глуп и надменен. Разумеется, считал себя страш-

но красивым, непобедимо сильным и самым умным. Никто не мог пленить его взор. Все девы были слишком просты, безыскусны, похожи как две капли воды, а он... О, он был рожден для величия – так Эльтан рассуждал. Принимал это как свою судьбу. И госпожу сердца желал самую прекрасную. Дева должна была пленить его взор с первого взгляда. Сердце должно было остановиться при виде ее, как пели в новых, не слишком почтенных среди старых эльфов, песнях. Эльфийские догматы о том, что любовь следует взращивать и время, проведенное вместе, неумолимо рождает ее при должном усердии, Эльтан считал архаизмом старого порядка, умершего века древних чудес.

Он путешествовал и учился, исследовал мир, открытый ему – сильному, умелому юноше эльфийской крови. Кайране поднимался на высочайшие горы, забредал в дремучие леса, обретал первых друзей в дальних морских походах на острова.

А когда через двадцать или пятьдесят зим (никто в его свите не вел этот счет), он вернулся домой, то узнал, что у владык Сигайны родилось дитя. Девочка.

Сердце его тогда подпрыгнуло в груди. Радостно, но сам не понял отчего, не умел еще довериться чутью. Позволил разуму убить его постыдное, глупое счастье. Эльтан был связан клятвой отца. Его лишили права выбрать себе судьбу и спутницу. И вот в мир пришла та, кого он назовет супругой. Отзовется его сердце или нет, это его обязанность. Кайране

Сиршаллена связан словом. Чужим словом! – едко подмечало недостойное себялюбивое в его груди. Это отец обещал, а расплачиваться ему, Эльтану.

Через многие годы с пышной свитой, с сестрой и тремя обретенными на тот момент перстами, кайране Сиршаллена отправился в Сигайну познакомиться с той, что была обещана ему. Он сам не знал чего ждал. Что это окажется та самая судьба дарованная магией клятвы? Что он увидит не глазом, но сердцем свою суженную в кайране Сигайны. Как бы то ни было, он волновался перед встречей с ней. И разочарование его было глубоким как воды реки Глас.

Мелана была... такой же как и все остальные. Он не видел ни горячей любви в ее глазах, ни кроткого нрава, ни золотого сердца. Все что он увидел обычное овальное лицо, короткие ресницы, плоская грудь и застенчивость. Будущая супруга смущалась до того, что едва могла связать слова в его присутствии и тем не менее отчаянно тянулась к нему, искала его общества, желала сопровождать кайране Сиршаллена в увеселениях и на охоте. Ей было как будто достаточно просто быть рядом, Эльтана же ее молчаливое присутствие ввергало в неловкость и было столь тягостным, что он избегал Мелану всеми возможными способами. Сильвин была в восторге от Меланы, каждый вечер трещала без умолку какой подарок ему преподнесла судьба, как кротка и сердечка кайране Сигайны, с какой любовью она смотрит на Эльтана. Перечисляла какие красоты Сиршаллена и с какой радостью

она покажет ей, когда новобрачная вступит в их дом. Разговоры эти ужасно злили Эльтана, он огрызался на сестру и однажды в запале сказал «раз она так тебе по сердцу, то может ты возьмешь ее в жены, а не я?» К его удивлению, Сильвин залились удушливой краской и сбежала, а Эльтан был слишком раздражен, чтобы просить прощения у любимой сестры. Тот визит стал мукой. Сигайна для него навсегда запомнилась городом неловкости и брезгливой обязанности.

Он был холоден настолько, что владыки Сигайны даже не посмели заводить речь о древе. А ведь Эльтан приехал, чтобы начать ухаживать за Меланой и посадить его. Она вошла в возраст, и хоть никто не спешил, слово следовало держать. Так требовали законы.

Пробыв едва ли несколько месяцев, что по тем времена было крайне быстротечным визитом, Эльтан прыгнул на коня и ухал в Макидар. Больше он в Сигайне не появился ни разу, до тех пор, пока не пришло время сказать правду – он не собирался жениться на Мелане.

Элтан встретил свою мечту – прекраснейшую деву, что видел свет. Шеланну... Красавицу, нежную и дикую как море. Кайране, наконец, влюбился. Без памяти и с первого взгляда, так как и мечталось ему в юности. Эльтан не спросил позволения ни отца ни матери, пошел к владыкам Владрира и сказал, что желает взять Шеланну в жены и готов прямо сегодня посадить древо.

Илларен, первый среди его перстов, пытался удержать его.

Образумить.

– Вернись в Сиршаллен, поговори с Матерью Народа...

– Что мне ее слова? Мой выбор сделан.

Шеланна была обескуражена его настойчивостью, торопливостью, но сердце ее ликовало. Они опьянели, едва увидев друг друга. Уже много позже Эльтан понял, что такой любви не суждено жить долго. Она что вспышка кометы на небе: горит ярче звезд, но проносится за миг. Но тогда он думал, что счастье его будет вечным. Владыки Владрира были в восторге от перспективы породниться с Сиршалленом вперед Сигайны. Молодой Владрир разом стал бы вторым среди эльфийских городов. Какая честь и что препятствовать если сердца Эльтана и Шеланны отозвались друг другу? Но над ликованием то и дело проскальзывала тень. Мелана... и слово владык Сиршаллена... Долг. Предательство.

Эльтан злой как сотня смерчей, оставил свою возлюбленную и отправился в Сиршаллен.

Сильвин, до которой дошли вести, смотрела на него с явственным непониманием и упреком.

– Ты не можешь так поступить с Меланой, брат.

– Не мое слово связывает меня, но отеческое. Ей не будет счастья в браке со мной.

– Ей не будет счастья без тебя, Эльтан! Никогда не будет, неужели ты не видишь этого? – Сестра взяла его руки – сильные натруженные мечом ладони. Эльтан нежно погладил ее хрупкие девичьи пальцы.

– Я не могу иначе, сестренка. Сердце мое отдано, как я могу противиться?

– Но ты должен. Твое сердце... боюсь, оно ошибается, брат.

– Не тебе заглядывать в мое сердце! – обозлился Эльтан и вырвал руки. Он ужасно разгневался. Сестра, что всегда была добра и нежна с ним, именно сейчас, когда ему нужна была поддержка, предала его и ради кого? Ради чужой Меланы?! Он не отдал дань визита матери, поговорил лишь с отцом, и отправился в Сигайну.

Эльтан до сих пор с дрожью вспоминал тот разговор. Мелана за те лета, что, они не виделись, повзрослела. Уже не краснела и не заикалась, но была все той же – красивой не больше чем другие.

Она стояла на балконе, глядя на свой город, когда Эльтан пришел к ней. Кротко улыбнулась ему, почти ободряюще. У Эльтана окаменел язык. Он ждал возмущения, гнева, отказа. Слухи, конечно же, опередили его, и все в Сигайне знали, зачем приехал кайране Сиршаллена. Знала и Мелана.

Она молчала, глядя на него своим открытым смиренным взором. Молчала не осуждающе, а словно подталкивая его, боясь сбить его с мысли.

– Кайране Мелана. – сказал он, с трудом совладав с голосом.

– Приветствую в Сигайне, кайране Эльтан.

Они снова помолчали. Эльтан со страхом взгляделся в ее

глаза – не блеснут ли слезы? Но нет, Мелана смотрела на него ободряюще улыбаясь.

Он проклинал свою трусость, но перед ее чистым беззащитным взором ему нужна была вся его решительность, чтобы завести неприятный разговор.

– Меня посетило великое счастье. – сказал он. Мелана опустила глаза.

– Да?..

– Я встретил деву, что хочу назвать госпожой сердца. – отрезал он.

– Это великая радость. – Мелана сказала это так тихо, что ему пришлось напрячь слух.

– Эта дева не ты. – подвел он черту. Мелана тихо усмехнулась.

– Не стоит уточнять, кайране. Я поняла это еще в ваш прошлый визит.

Эльтан сжал губы. Упрек все же послышался ему – смутный далекий и горький. Что он не дал ей и шанса. Эльфы ведь не люди, чтобы скреплять союз в день знакомства. По всем законам, он должен был провести в Сигайне годы, десять-двадцать лет. Узнать Мелану, а она узнала бы его. Сделать все, чтобы в ее сердце расцвела любовь, пропитать свою душу ее добродетелями. И тогда, когда они взрастили и обрели чувства, расцвело бы их древо... А он сбежал через два месяца.

– Я прошу у тебя свободы от слова, сказанного Владыкой

Сиршаллена.

Мелана подняла на него задумчивый взгляд, и Эльтан похолодел. Она смотрела так, словно вот-вот «нет» сорвется с ее губ. Злое, мстительно «нет», которое он трусливо не ска- зал ей сбежав.

– Что бы ни говорили нам законы, мы не властны над сво- им сердцем. – Мелана натянуто улыбнулась. – Ты свободен от слова. Я желаю тебе счастья.

Она повернулась, чтобы уйти.

– Мелана! – позвал он. Она обернулась. Эльтан сам не знал что хотел сказать ей и уже жалел, что окликнул. Не даст ли он ей этим ложных надежд? – Благодарю тебя. И прошу прощения за все горести, что я принес, намеренно или нет.

– Ты принес не горести, кайране. – она нежно улыбнулась ему. Что-то в этой улыбке он не мог разгадать. Тогда она бы- ла выше его понимания.

Он поклонился, Мелана ушла.

Эльтан стоял на балконе, а тополя Сигайны шептали ему что-то горькое, безысходное. Мороз прошел по его коже. Лесные духи гневались на него. Он понял, что сломал что-то хрупкое, драгоценное, чему уже никогда не будет возвра- та. Сломал даже не рассмотрев как следует, словно сорвал ветку сирени, что склонилась от тяжести цветов к его лицу, надеясь порадовать красотой и ароматом.

Эльтан тряхнул головой, но чувство тревоги не ушло. В то время могучий молодой кайране Сиршаллена еще не ве-

рил в слова своей многомудрой матери. Она часто говорила о том, что он не понимал, был слишком юн. О шепоте ветра и реках времени, о водоворотах судьбы, в которых так сложно найти правильный путь. О мгновении, что порой решает целую вечность.

Он вдруг со страхом понял, что это было то самое мгновение – водоворот, где случайности и возможности сплетаются в клубок. Тот миг, после которого река жизни меняет русло. Впервые он оказался в нем и правильно ли выбрал?..

Он не любил Мелану. Не любил! И был честен с ней. Значит, выбрал верный путь. Единственно верный. Во Владрире его возвращения ждала прекрасная Шеланна, от взгляда на которую его сердце пело. Но что-то... Отчего ему вдруг стало так страшно как не было никогда за всю жизнь?

Он посмотрел на играющую на ветру листву. Мать говорила, что духи нежатся в ней как в воде озера. Эльтан чуть не спросил у ближайшего тополя «Я ошибся?» но вовремя одернул себя. Он был эльфом, но старые мамины сказки казались ему глупыми и суеверными. Он, конечно, верил, что духи существуют, но где-то там, очень далеко в глухой лесной чаще, а не здесь – рядом с балконом дома Сигайнских владык.

Он вернулся во Владрир и отвез Шеланну уже как свою нареченную в Сиршаллен. И тогда Мать Народа сказала ему роковые слова – жизнь ее будет недолгой. Эльтан не желал этому верить, разгневался так, что чуть не обнажил меч в

присутствии матери. Он хотел разрубить это мрачное пророчество, как рубил врагов народа. Отчаянная детская обида глодала его. Не может быть! Он нашел свою суженую, встретил любовь, от которой замирало сердце. И она будет недолгой? Но как? Как это может быть? Почему духи так жестоки к нему? За что? Чем прогневал их? Ему стало казаться, что Мелана и его вина перед ней темным роковым коршуном нависла над всей его судьбой. Эльтан возненавидел ее за мрачное пророчество Матери народа так, словно это синране Сигайны, именно она, злая завистливая соперница, сгубила его счастье на корню.

Мать умоляла его отказаться от скоропалительного решения, вернуть Шеланну домой во Владрир. Вернуть? Разлучиться? Он был опьянен ей. Глаза его не видели ничего кроме ее красоты.

Эльтана больно укололо, что с нареченной не ладил Илларен, первый и самый верный из его перстов. Сильвин также не нашла общих тем для беседы с Шеланной. Его суженая, одинокая и отвергаемая Сиршалленом, бродила по своим покоям и плакала на его плече.

Чем больше ее отвергали, тем непреклоннее становился Эльтан. Они свяжут судьбы, и никто не воспрепятствует их любви. Он, Эльтан Сиршалленский принял решение и отвоёвывал свое право взять в жены прекраснейшую из дев, что видел свет. Его решение было тверже каменных сторожевых башен.

Годы пока росло их древо, лишь подогрели любовь. Эльтан знал, что ведет себя недостойно и голос внутри говорил, что еще более недостойно по эльфийским законам ведет себя Шеланна, но они разделили ложе задолго до дня союза. А потом он вспоминал мрачное пророчество матери и каждая минута, проведенная без Шеланны, казалась ему потерянной впустую. Ночные песни связали их еще крепче, он впервые познал власть плоти и отдался ей без остатка. Они были молоды, влюблены и безрассудны.

Мрачные предзнаменования канули в годах счастья, забылись и стерлись как облако, набежавшее на солнце на один миг.

Илларен так и не поладил с Шеланной, а после слов: «Посмотри кого она из тебя сделала, Эльтан. Ты стал низок» — они прекратили разговаривать. Эльтан все чаще испытывал злость и сам не понимал на кого злился. Он любил Шеланну. Обожал ее. Не мог насмотреться. А то, что красотами Сиршаллена невеста так и не прониклась и сердце звало ее к морю во Владрир, так что с того. И то что его сестра, прекрасная и добрейшая Сильвин, так и не смогла найти общий язык с Шеланной — это, несомненно, была вина Сильвин, которая, как упрямое дитя все еще попрекала его Меланой. Мать народа была к Шеланне добра, но как к умирающему, что Эльтана выводило из себя до невероятной степени.

Шеланна не находила общества в Сиршаллене и все свое время он отдавал ей. Дни нареченные проводили в беседах

и прогулках, а ночью Эльтан пробирался в ее покои, и они сплетались в своей страсти снова и снова не чая ее насытить.

День их союза приближался, когда Эльтан признался себе, что устал от вечной войны. Он желал Шеланну и получил ее. Эгоистично и алчно увидел ее и захотел. Красавицу, дерзкую и дикую, своевольную. Все в ней восхищало его до поры. Но с каждым днем капризы ее казались все менее очаровательными и все более глупы. Он вдруг увидел, что не Сильвин не желает найти с ней общий язык, а Шеланна считает синране Сиршаллена скучной и неинтересной.

Он заметил, что на красавицу Шеланну заглядываются другие эльфы и она, слишком честолюбивая от своих громких титулов первой красы народа, поощряет их. Вспышки ревности его были ужасны. Эльтан мог бросить вызов за один косой взгляд на невесту и выиграв ловил в ее глазах жаркое восхищение, а ночью Шеланна разрывала тесьму на его жакете и целовала так, словно хотела выпить из него жизнь. Он знал, что любовь меж эльфами не должна быть такой, что они все сделали неправильно и все об этом подозревают. Но ничего он не мог изменить. Шеланна глядела на него черными как южные сумерки глазами и кровь его закипала.

Лишь одно беспокоило его все настойчивее – их любовь должна была расти, но она, напротив, угасала. Он стал видеть ее честолюбие, а она – его мальчишество. Между ними случались ссоры и Эльтан с удивлением узнал что у его избранницы нрав покруче его норовистого жеребца. Для эль-

фийки это было несомненным пороком, но он постарался принять судьбу как данность. Ему нравилось ее своеволие десять зим назад, так разве не должно оно было нравиться и сейчас?

Незаметно они стали проводить то день, то неделю вдали друг от друга. Он все так же любил ее, но на губах после поцелуя ему все чаще мерещился привкус пепла.

– Ты будешь любить только меня. Всегда. – шептала она ему ночью и прикасалась к губам, словно скрепляя их волшебной печатью.

– Всегда, – отзывался он и что-то болезненно сжималось в его сердце.

День их союза был прекрасен. Солнце светило над Сиршалленом особенно ярко. Шеланна в красном шелке была ослепительна словно сама Владычица Лесов почтила мир. Он был счастлив так, как не чаял быть никогда в жизни. Прекраснейшие эльфийские девы были с ним – его мать, сестра и госпожа сердца.

И пусть Сильвин и Мать Народа были грустны, они с Шеланной не видели никого и ничего вокруг.

Его сын родился крепким, сильным и крикливым, словно ребенок смертных. Эльтан, впервые взяв его на руки, ощутил странный страх. Никогда он не был труслив, всегда был силен и в бою и в споре. Первенец эльфийского владыки, бессмертный и почти неуязвимый сын великого народа, теперь он познал настоящий страх. Новый смысл его жизни кричал

и причмокивал у него на руках совершенно беззащитный. Как странно было осознавать, что теперь все счастье, что у него было есть и будет, заключено в этом крохотном, беспомощном существе.

– У него твои глаза, – сказала Шеланна. – Жаль. – Эльтан вопросительно поднял брови. – Мои красивее.

– Это так. – он нежно поцеловал ее.

– Я хочу домой. – прошептала госпожа сердца, уткнувшись в его плечо. – Позволь мне показать его владыкам. Я устала... Тут так душно.

– Конечно. Как только оправишься.

Эльтан не знал каким отцом он будет. У него еще было несколько зим, прежде чем сын начнет говорить и ходить. Пара десятилетий прежде чем он возьмет в руки тренировочный клинок и станет учиться ездить верхом. Он думал, что разберется, справится. Как иначе могло быть.

Шеланна отправилась во Владрир, а Эльтан остался в Сиршаллене, что был обеспокоен гонцами с южных границ. Люди вели себя вызывающе, вырубали леса слишком близко к их сторожевым постам. Владыка хотел, чтобы Эльтан решил разногласия мирно, но твердо.

Эльтан желал бы забыть, что было дальше, но его память была памятью эльфа. Он помнил все. Как встретил утро того дня, когда вести добрались до Сиршаллена. Помнил эльфа в потрепанном плаще и его взмыленного коня. Помнил, как он осекся и несколько мгновений не мог заговорить, а Эльтан

гадал что за вести он принес.

Следующие годы окрасились кровью и болью, перед глазами его стояла пелена. Он мог неделями не произносить ни слова, кроме команд войскам. Илларен пытался говорить с ним, но Эльтан молчал, утонувший в своем горе, отупевший, безразличный.

Только людская кровь на руках заставляла его чувствовать хоть что-то. Мрачное удовлетворение. Глаза его были сухи – он не проронил ни одной слезы. Не мог.

Первая война шла двадцать лет. Для него она пролетела как миг. Каждую зиму они останавливались в очередном захваченном городе и каждую весну выступали снова словно мрачные мстительные призраки. Они шли все дальше и дальше, людские города пылали на их пути, но Эльтан все еще не удовлетворил свою жажду. Пока однажды Владыка не решил что крови довольно.

Отступая в Сиршаллен, Эльтан впервые за долгие годы попал в Сигайну. Вместо юной Меланы его встретил иссохший от горя призрак в черной одежде. На том самом балконе, где он отверг ее, Мелана заплакала, едва увидев его. Неудержимо, отчаянно. Она плакала глядя в его глаза, и Эльтан понял – все это время отвергнутая невеста плакала за него. Потому что он не мог. Не был способен. Его боль стала ее болью, и Мелана в далекой Сигайне оплакивала его семью вместо него.

Впервые он очнулся, увидев в ней – осунувшейся, едва

живой – свою собственную душу. Внешне кайране Сиршаллена не изменился, но внутри... Его душа как поле кровавой битвы была выгоревшей, мертвой и покинутой...

Он не нашел для Меланы слов. Ни утешения, ни благодарности. Эльтан чувствовал себя ребенком, которому не дано понять силу и глубину чужой души. Ему было стыдно за то, что при всех своих талантах и внешней красоте, он не способен был любить так – безропотно и самоотверженно. Чувствовал себя недостойным такой любви и виноватым, что не нашел мудрости увидеть ее, и сил ответить на нее.

И все же он разглядел Мелану по-настоящему. Не ее лицо или стать. Ему приоткрылось ее сердце и рядом с ним собственное – эгоистичное, крохотное, себялюбивое, слабое – показалось еще более жалким и недостойным.

Эльтан вернулся в Сиршаллен и сделал единственное, что считал справедливым. Ему было все равно, кто станет его спутницей теперь, когда сердце его навсегда покрылось черствой коркой. Когда до города добрались вести, что Мелана сняла траур, он отправил в Сигайну перста. Предложил ей свою руку. И получил отказ.

Эльтан тряхнул головой, прогоняя воспоминания. Он был в Доме Решений Сиршаллена, где шло празднество пришествия весны и нового года, и Мелана, его супруга, стояла напротив и хлопала в ладоши. Они обменялись мягкими улыбками, теплыми, но лишенными толики огня. Между ними

никогда так и не разгорелась страсть. Он не позволил.

Они не делили ложе. Никогда. Когда взросло их древо и они скрепили союз, сердце Эльтана все еще куталось к черную корку горя. Он считал ночные песни обязанностью. От мыслей, что он должен облачить Мелану в красные ночные шелка ему становилось противно и горько. Память о Шелане была еще слишком жива. Сколько лет прошло? И трех сотен еще не было, как он потерял госпожу сердца и сына. О каких ночных песнях могла идти речь. И Мелана все понимала. Она всегда понимала его едва ли не лучше его самого. Когда он ступил в ее спальню в их брачную ночь, все красные шелка были убраны подальше, а новобрачная мирно спала, завернувшись в одеяло.

Он не любил ее и женился из чувства долга. "Никто другом никогда не станет моей женой. Позволь мне хотя бы отдать тебе дань уважения." – так он ей и сказал, когда делал предложение уже лично. Если бы в ту минуту она спросила "Обещаешь ли ты попытаться полюбить меня?" он ответил "нет". И все же она согласилась. Потому что верила, что однажды все изменится. Тогда Эльтан был уверен, что ее чаяниям никогда не осуществится. Его сердце не оправится.

Прошла сотня лет, их древо взросло, но ничего не изменилось между ними. Свадьба их была неловкой и мучительной, никто не верил, что соединяются любящие сердца. Мелана одна улыбалась. Она все знала и понимала, и все же не

отреклась от него, не отчаялась хотя он сам давно потерял надежду. Разыгрывать страсть в постели было выше его сил и слишком унижительно для Меланы. В ночных песнях нельзя было скрыть главного – отсутствие любви. Он не хотел унижать Мелану, и их супружеское ложе всегда оставалось пустым и холодным.

А потом после второй войны, отец задумал отдать Сильвин людскому королю, и Эльтан в запале произнес клятву, что он не родит сына, если сестру отдадут. Тогда он совсем не подумал, что клятва эта означала и бездетность для его жены. Когда слухи о его громком заявлении дошли до Сильвин и Меланы, Сильвин, не стесняясь выражений, осудила его. Мелана одернула ее и сказала "Кайране хозяин своего слова". В ту ночь он слышал как она горько плакала в своей спальне. Слышал и мялся, не решаясь войти и утешить ее. На людях Мелана никогда бы не оспорила его слов, но в тишине ночи она плакала, потому что он лишил ее последней надежды, ранил. Уже во второй раз.

Она, после всех этих лет, все еще надеялась, что однажды любовь меж ними родится, что они станут настоящими супругами, а потом и родят дитя. А он поклялся в обратном. И теперь, чтобы зачать дитя он должен был нарушить клятву. Стать lin'yarr. А он, Эльтан Сиршалленский никогда не станет lin'yarr. Как он мог сказать такое! Обречь ее на бездетность, украсть последнюю надежду. Эльтан, не слишком

то привязанный к жене, с удивлением обнаружил, что болезненно переживает свою вину перед ней. Они и не могли зачать дитя. Он не любил ее! Да даже раздели они ложе, никаких детей не было бы, но... Он всему эльфийскому миру заявил, что у него не будет детей от Меланы.

Эльтан с утроенной силой умолял отца отступить, в том числе, чтобы его клятва осталась просто словами, сказанными в запале. Он хотел оставить Мелане ее соломинку. Сам не знал почему. Что-то робко шевельнулось в его груди, когда он услышал ее тихий плач в ночной тишине дома. Но и Владыка и Сильвин были непреклонны. Она уехала. Эльтан сам проводил ее в Кайрин. Город, который несведущие люди многие столетия назад назвали по титулу детей эльфийских владык. Он был на ее свадьбе, а после вернулся домой, ждать, когда людской король умрет и сестра возвратится.

Когда Сильвин погибла, только одна Мелана могла заставить его поесть или поспать. Она поехала с ним в поход, где терпела все трудности и лишения наравне с любым солдатом. Она лежала рядом на жестком ложе в его шатре и иногда плакала, именно тогда, когда сердце его разрывалось от осознания потери. Он не рассказал ей, как Сильвин умерла. Конечно же, не рассказал. Не мог ранить ее, представить себе не мог на сколько частей знание ужасных подробностей разорвет ее душу.

В прошлый раз, когда он пошел на войну после падения Владрира и смерти Шеланны и сына, ему было хуже. Он был совсем один. В этой войне ласковые руки Меланы, ее слезы и тепло, которым она щедро делилась с ним, помогли. Он не впал в отупение, хотя боль была столь сильна, что порой казалось легче вырвать сердце из груди. Но на его груди каждую ночь спала Мелана, словно котенок, свернувшийся на самом дорогом. Хранила.

Война закончилась, и они вернулись в Сиршаллен. Мир за лесом стремительно менялся, Эльтан заново учился жить в нем. В мире, в котором больше не было его любимой сестры. И благодарность к Мелане однажды переросла в нежность, а нежность в робкое, стыдливое восхищение. Его стали волновать ее тонкие запястья и отрывистые как у юной девчонки жесты. Ее непосредственность и редкий смех, которого он сам давно лишился. Он, смущенный своими чувствами, виноватый перед всем миром и сам не зная перед кем конкретно, скрывал все от жены. Не время было любить. Они носили траур еще сто лет и не спешили снимать, а он... Сильвин умерла страшной смертью! – пытался он образумить себя, но сам знал, что сестра бы первая порадовалась тому, что ледяная корка на его сердце все-таки треснула.

Он не успел открыться Мелане. К счастью. Как было бы тяжело сейчас. В день, когда он почти решился признаться,

на Сиршаллен посыпались бомбы. Война снова пришла к их порогу. Через несколько лет он поехал в Кайрин один, без войска, без перстов, и привез Согласие о Землях.

Он знал, что Мелана поддержит его, и от этого было легче. Даже если в глубине души не будет согласна, она встанет за его спиной, и никто не увидит в ее глазах упрека. Так и случилось. Мир эльфов раскололся. Двое перстов бросили звезды ему в лицо, а Мелана сжала его руку и сказала "Ты сделал все правильно, мой господин".

Он стал уезжать в Кайрин. Ненавистный Кайрин, где погибла Сильвин. Сначала на недели, потом на месяцы...

Мелана почитала его как героя народа и своего доблестного супруга, и жила в уверенности, что сердце его, как и пять сотен лет назад, обожженный мертвый камень, который она быть может однажды отогреет. Эльтан чувствуя себя грязным и оскверненным людской алчностью, отдалил жену.

И Мелана оставила попытки, смирилась, что навсегда, на всю бесконечную вечность, останется ему лишь другом. Эльтан делал вид, что так и должно быть, что он очень благодарен и рад. Открыться ей было слишком рискованно. Слишком много глаз наблюдали за ним, слишком много алчных людских рук тянулись к нему. Он не мог подвергнуть Мелану

ну такой опасности. Его госпожа сердца стала бы мишенью для любого смертного, знающего секрет.

Сколько времени пройдет, прежде чем ее выкрадут и станут шантажировать его? Дни? Недели?

Он не мог защитить ее, а значит единственный путь был отдалить и всем видом показать, что она ровным счетом ничего не значит. Он стал брать ханти в Кайрине, самых красивых и по возможности публичных, чтобы ни у одного человека не возникло мысли, что быть может его жена не просто безразличная эльфийка, а нечто большее.

Они виделись с Меланой месяц в году. Октябрь – ее любимый месяц, когда листва багровеет и осень вступает в права. Однажды он спросил отчего, ведь среди эльфов куда больше почиталась весна.

– Разве это не время прощания?

– Прощание лишь на время, не навсегда. Для тех, кто верит и готов ждать это время не угасания, а начала пути. – она обернулась и улыбнулась ему. Смиренно, без намека. Она ждала его сотни лет, ждала когда он поймет, когда научится любить так, как должно любить эльфу. Он понял и научился. И она не должна была об этом узнать. Потому Эльтан хмыкнул и отвернулся. – И потом, в это время к нам пришел Ли-нар.

Эльтан тогда неприлично фыркнул. Ли-нар...

Мелана всю его долгую жизнь учила его любви. Сердце его, в отличие от тела, росло медленно, да еще и получило

столько болезненных ударов. Но Линар... Он был последним из них.

Эльтан, меняя фигуру, бросил взгляд вправо. Линар танцевал с Нилейной, утомительно сосредоточенно отсчитывая шаги. Эльтан улыбнулся, глядя как младший брат чуть не наступил на платье Меланы. Эльтан мягко отвел свою госпожу, придерживав за талию. Мелана улыбнулась ему – нежно и благодарно. Как и всегда.

Как он мечтал стереть эту нежность одним жарким поцелуем.

Она ничего не требовала от него. Никогда. Ни любви, ни нежности, ни страсти. И однажды получила все это. Она сделала то, что предрекала Сильвин – отогрела его сердце, растопила лед. Он полюбил ее именно так, как следовало любить эльфу. Медленно, шаг за шагом узнав ее. Не красавицу, хрупкую, добрую. И он желал познать ее как никогда и никого. Бывало, она приходила в его сны, и если бы он умел, то, наверное, поутру краснел, глядя в ее чистые глаза.

Но цена была слишком велика. Открыть ей сердце сейчас, когда за ним наблюдают сотни глаз, было невозможно. Его госпожа сердца станет разменной монетой в их вечной войне с людьми.

Никогда он не подвергнет ее такому риску. Быть может, после, если он выживет, что, конечно, маловероятно. Не та роль ему досталась. Не для любви он был рожден, но для муки.

Линар увел Нилейну, они с Меланой потанцевали еще. Супругам можно было танцевать и три, и четыре танца подряд. Потом отвел Мелану, пошел поговорить со знакомым эльфом из Халтера и проводил нерадивого захмелевшего брата. Что-то встревожило его в лицах Нилана и Линара, но Эльтан позволил им уйти.

Ему хотелось скорее вернуться к Мелане. Как редки те дни, что они проводили вместе.

Празднество шло своим чередом. Принесли новое вино, Эльтан сам наполнил Мелане кубок. Она с легким кивком приняла и отпила.

– М... Терпкое.

– Да. – Эльтан понял, что смотрит на нее неосторожно долго и поскорее скучающе отвел взгляд.

– Не стану больше утомлять тебя танцами. – Мелана разгладила платье на коленях.

– С тобой мне танцевать не в тягость.

– Но ты не любишь, я же знаю.

Эльтан улыбнулся. Да, она знала о нем многое. Но не все...

– Как сладко веет переменами, правда? – глаза Меланы сверкнули. Эльтан нахмурился. Она восприняла план Линара как освобождение и все о чем мечтала – чтобы Эльтан вырвался из-под гнёта людей. Он не открывал ей правды:

к нему свобода придет в последнюю очередь, если когда-то придет вовсе.

– Да.

– Линар ушел? Ты снова огорчил его? – Мелана кивнула на опустевшее место на диване на другой стороне зала.

– Нет, юный шахране выпил слишком много тостов и захмелел. – Мелана прыснула, прикрыв губы краем бокала.

– И мне стоит опасаться этого. Вино нынче слишком сладостно.

– Что именно тебя пугает? Что во хмелю ты совершишь что-то неприличное?

– Как знать. Не хочу, чтобы моему господину пришлось краснеть. – Мелана попыталась отставить бокал.

– Пей сколько просит твоя душа. Я не стану краснеть. – Эльтан мягко вернул бокал к ее губам.

– Ты хочешь спить меня, кайране? – она приподняла брови.

– Возможно. – Эльтан знал, что он не должен этого делать, но сладкий аромат перемен коснулся и его. Он чувствовал себя пьяным, счастливым и пьяным впервые за триста пятьдесят лет. Взгляд его предательски скользнул по лицу Меланы и остановился на губах. – Быть может, мне интересно на что ты можешь решиться во хмелю?

– Не страшись. Я знаю свое место во хмелю или нет. – И она постучала по его колену ровным, бесчувственным жестом друга. Мечтательная улыбка Эльтана съёжилась в гри-

масу, но он тут же взял себя в руки. Все правильно! О чем он только думает! Причинить ей боль, дать надежду, когда они скоро расстанутся скорее всего навсегда? Нет. Ни за что. Он не ранит ее в третий раз.

– Хорошо. – подхватил он ее ровный тон и небрежно скупающе улыбнулся.

– Господин.

Эльтан повернулся. За спинкой дивана стоял Тинар и по его лицу было ясно – что-то стряслось.

– Извини. – Эльтан небрежно поцеловал Мелане руку и поднялся.

Они отошли на пару шагов. Тинар быстро заговорил:

– Через пропускной пункт Дош-Кала-Хар час назад прошел паспорт Анны Смит.

– Это точно?

– Информация из общего миграционного ведомства.

– Ее затерли?

– Нет. Невозможно. Оба паспорта отслеживает Рош. Такого допуска у нас увы, уже нет.

– Почему так долго?

– Ночь. Мы могли не получить ее и до утра.

– Кто дежурит на проходной? Они проследили?

– До девяти были, но после ушли. Сегодня празднества, кайране. Все спешили к семьям.

Эльтан медленно вдохнул. Празднества! И никого из вер-

ных людей на проходной. Он обернулся. Сзади лились песни, его госпожа смеялась и пила вино, танцевали пары. На потолке сверкали каменные птицы и цветы. Дом Решений беззаботно пел, встречая новый год перемен.

Он мучительно поглядел на мелану. Ее темные волосы были убраны в изящные косы, в ушах звенели голубые сапфировые серьги. Одна прядка зацепилась за них, словно зовя его поправить.

Он решительно отвернулся и достал сотовый. Набрал номер по памяти. Линар сбросил вызов.

Эльтан стиснул телефон в руке. Нет, еще рано гневаться. Еще неясно сколько на нем вины. Он вспомнил, как Линар уходил с Ниланом и гнев все же вскипел в нем. Лжецы!

– Я уведу мою госпожу. Ты и Архан к западному входу, остальных попроси прийти в кабинет. Линара, Синая, Нилана и Шедара Макидарского тоже. Если, кто-то из них найдется.

– Других владык?

– Нет. Ни в коем случае. Пока никто не должен знать.

– Да, кайране. – Тинар поклонился и скрылся в толпе.

Эльтан вернулся к дивану, вынул бокал из рук Меланы.

– М? – она удивленно поглядела на него. Он поднял ее и на мгновение сойдя с ума, прижал к себе и поцеловал в губы. Медленно, сладко, чувственно.

Вокруг засмеялась и заулюлюкала его свита. Кто-то осуждающе заворчал. Мелана отстранилась, полыхая румянцем.

– Кайране! – возмущенно прошептала она. В ее глазах было одно лишь непонимание и жгучая обида.

– Пойдем. – он повел ее за руку прочь.

Мелана хотела возразить, но увидела что-то в его лице и покорно пошла следом.

– Это было крайне... неуважительно. – прошептала она. – Что подумают о нас?

– Что я повел тебя на свое ложе?

– Эльтан! – Мелана не на шутку разозлилась.

– Что?! – Вскипел он. Он знал, что злился на Линара, но не мог себя сдержать. – Разве мы не супруги?

Мелана поглядела так, словно он ее ударил.

– Да, кайране. – бесцветно прошептала она. Он хотел упасть на колени и молить о прощении, но только сжал кулаки.

– Так подчиняйся. – зло отчеканил он.

Пусть лучше так. Пусть злиться на него, чем...

Злость захлестнула его. Злость на собственную доверчивость. Он дал Линару уйти, он ведь чувствовал что что-то не так. А тот, глупец, дал своей смертной девке сбежать из города. Болван! Глупец! Ничтожество! И Нилан! Снова Нилан, этот скользкий лживый угорь! Видят духи, когда он встретится ему в следующий раз Ночной грезой ему не отделаться. Сколько раз он лгал и притворялся, но в этот раз он зашел слишком далеко.

Эльтан вывел Мелану на улицу через боковой вход. Тут

дежурили только сиршалленцы.

– Сейчас ты пойдешь домой...

– Мне нужна моя свита.

– Тебя проводят мои персты. Скажи им кого из твоих перстов позвать и они исполнят. Иди домой и собери вещи. Быстро. Только самое необходимое. Ты покидаешь город сегодня.

Брови Меланы полезли на лоб

– Что?!

– Ты покидаешь город. Прямо сейчас. Твои уши... – он вдруг вспомнил. Мягко коснулся острых кончиков, прикрытых темными кудрями. Поправил капризную прядку, зацепившуюся за сережку. Мелана смотрела на него в шоке. – Их нужно отрезать. Немедленно.

– Эльтан, тут мои владыки и сестра. И ты здесь! Я никуда...

– Ты сделаешь, как я сказал! – взорвался он. Голос громом пролетел над замершими стражами и Меланой. Ее глаза наполнились слезами.

– Что с тобой? Опомнись, кайране.

Эльтану хотелось обнять ее, утешить, мягко убедить. Рассказать обо всем... Но времени не было.

За его плечом появились двое его перстов, тех кто был наиболее сведущ в людской жизни, кому он хотел доверить сопровождение Меланы в мир людей. Доверить через полгода, может год. Когда они смогут подготовиться. Не сейчас, не

теперь... Но спасибо Линару, дорогому братцу и его болтливой смертной девке, Мелана пойдет как слепой котенок. Если бы он мог, он доверил ее сопровождение Нилану. Тот знал о людях все. И сейчас, это презренное знание, от которого все они отказывались, было так ценно. Но Нилан больше не служит ему и приказать он не вправе. Конечно, он бы не отказал ему. Не в вопросе сопровождения Меланы, но что-то подсказывало Эльтану, что Нилан сейчас вместе с Линаром со всем рвением спасают шкуру этой презренной смертной девки Софии, вместо того чтобы отдать свои умения действительно достойным.

«Убью обоих, – пообещал себе Эльтан. – Обоих лжецов и предателей предам мечу как только увижу».

– Проводите кайране Мелану в ее покои и поскорее. – приказал Эльтан Тинару и Архану. Тинар был похож на брата. Двое братьев стали его перстами. Тинар шестым, Нилан – десятым. И как по-разному повернулась их служба – Приведите к ней перстов что она назовет и человека. Вы знаете о ком я. Сделайте, что необходимо. Для нее и для себя. И после выведите из города, самым безопасным путем. Как можно скорее. Ясно?

Два коротких кивка.

– Эльтан! – Мелана отчаянно пыталась поймать его взгляд.

– Я доверяю вам самое ценное, что есть у меня. – Эльтан поглядел в глаза своим перстам. – Увезите ее и спрячьте. Бе-

регите ее как меня.

– Да, кайране.

– Когда ты приедешь ко мне? – Мелана схватила его руку с неожиданной силой. – Когда ты покинешь город?

Он посмотрел ей в глаза. Она обессилено выпустила его руку с горестным всхлипом.

– Прошу позволь мне остаться с тобой! Умоляю!

Эльтан не дал себе времени даже на мгновение задуматься о том, как было бы радостно не расставаться. Уехать с Меланой, спрятаться от всего мира, открыть все же свое сердце, пережить все как тогда, вместе...

Он решительно развернулся и ушел в здание не оглянувшись.

В его кабинете в Доме Решений предсказуемо не оказалось ни Линара ни Нилана.

Эльтан припомнил, что проклятая рябая София была тут, когда он после прошлого праздника говорил с ней хотел использовать во благо народа и Линару во вред. Он думал, что она согласится. Попросит денег или может быть соблазнится им самим – смертные девы страшно падки были на его внешность. Но София молчала, дрожала от страха и лепетала только про своего драгоценного «Джона». Глупая, смертная девчонка, возомнившая что может стать госпожой серд-

ца эльфа. Хотя Линар... он, конечно, не полностью эльф, так что...

«Что вы знаете о сердце Джона? Вы его не любите!» – заявила она тогда. Девчонка, которая даже имени Линара не удостоилась узнать, говорила ему о любви к брату. Смертные с их вечной заносчивостью.

Любил ли Эльтан своего брата?.. Непростой вопрос, на который он уже несколько десятков лет искал ответ.

Почтенный Синай, когда-то его ментор, стоял с неприступным видом у стены. Шедар Макидарский нервно расхаживал туда-сюда. Четверо его перстов (теперь лишь четверо...) молча ждали указаний.

– Ханти Шахране покинула город. – объявил Эльтан без обиняков. – Поскольку Линаров язык длиннее тесьмы в жакете великана, она в курсе о многих наших планах. И боюсь, что некоторые люди скоро будут в курсе, если уже не узнали. Миит, Хан, на вас Сивилл Лейн. Проследите за ним. Ридан нужно прослушать его разговоры за последний час...

Он осекся. Во внутреннем кармане жакета завибрировал телефон, Эльтан достал его и посмотрел на номер. Быть может Линар... Но нет. Это был знакомый и ненавистный номер. Стало ясно – Лейн уже позвонил своим хозяевам, а значит маленькая смертная тварь уже распустила язык. Проклятье!

Раньше Эльтана одолевало бешенство, каждый раз как люди нарушали шаг за шагом его границы, он жестоко стра-

дал от унижений, но сейчас, после стольких лет давно смирился и научился терпеть. Жизнь среди людей научила его многому. Он не позволял им увидеть свою боль, но сегодняшний воздух, сладкий воздух перемен, воскресшей из пепла надежды, опьянил и кайране Сиршаллена. Он забылся на сладкий миг, и вот, ему снова нужно было затолкать свою гордость поглубже и стерпеть.

Эльтан развернулся и вышел в соседнюю комнату. Он никогда не разговаривал с *ними* в присутствии посторонних или перстов. Не знал кого это унизит больше – его или их. Но, как бы то ни было, свой позор он предпочитал нести в одиночку, а не перекладывать на других.

Эльтан собрался с силами и ответил.

– Слушаю.

– А, Эльтан, дорогой. – проскрипел в трубке голос. Его обладатель вечно добавлял в тон этакой вселенской усталости. – Здравствуй, здравствуй.

Эльтан молчал.

– Да... – в трубке раздался зевок. – Время позднее, прости, что отрываю от этих ваших празднований. Как там у вас проходит?

– Все благополучно. Танцы, музыка. – Эльтан нечеловеческим усилием добавил в голос приветливости. – Что-то случилось? Мне нужно сократить визит?

– Что? Нет, нет, что ты. – заверили его со всей душевностью. – Просто хотел проверить, что у тебя все в порядке. Ты

же знаешь как ты для нас важен, дорогой.

Эльтан закрыл глаза. В разговоре по телефону он мог позволить себе хотя бы эту малость. Лицом к лицу и этого не мог... Когда он впервые услышал в свой адрес это панибратское «дорогой», его разрывало от ярости и гнева. Сейчас все давно заледенело.

– У меня все благополучно. Я вернусь как было оговорено.

– Ты знаешь, – вздохнул собеседник, и Эльтан искривил губы, уже зная что сейчас услышит. – Думаю все же стоит сократить этот твой «визит». – с зевком сообщили ему. – Мне не нравится, когда ты уезжаешь. Всякое может случиться, верно? Ты знаешь, что мне спокойнее когда ты рядышком. А когда мне спокойнее то и тебе спокойнее, да? И всем спокойнее.

Эльтан мысленно стал считать от десяти до одного.

– Что ты примолк?

– Я слушаю вас, консул.

– А как там твой брат?

– У меня нет брата. – резко ответил Эльтан.

– Ну как же нет. Такой щупленький малый. Кажется, достопочтенный Синай его ментор.

– Шахране... в здравии. – выдавил из себя Эльтан.

– Ты можешь продлить свой визит, если тебя заменит Синай. Ты же помнишь, мы это обсуждали.

– Это ни к чему. Я вернусь завтра утром, если вам угодно.

– Хорошо, пришлю за тобой транспорт.

– Простите?

– Транспорт. Ну знаешь, вертолет и пару парней, чтобы было не скучно ехать.

– Вы очень заботливы, благодарю. – безжизненно проговорил Эльтан. Прекрасно, его уже тащат в Кайрин под конвоем. Что же именно им успела разболтать эта смертная жена?..

В трубке раздался еще один душераздирающий зевок.

– Ты знаешь, тут звонил ваш смотритель. – Эльтан подобрался.

– Да? – он небрежно хмыкнул. – Лейн, кажется?

– Да-да, нес что-то сумасшедшее про твоего брата, его ханти и какой-то вирус. Ты что-то об этом знаешь?

– Шахране, кажется, завел ханти, но едва ли это кому-то интересно. Может быть у нее грипп? Я об этом ничего не знаю. Занят танцами.

– Ах, кружишь головы направо и налево? – в трубке хрипло рассмеялись.

– Стараюсь не терять хватку. – Эльтан поймал в настенном зеркале отражение своей горькой перекошенной улыбки и отвернулся.

– Я пришлю пару человек побеседовать с этим юношей. Ты, как я понимаю, не сильно с ним близок?

– Мне не о чем разговаривать с сыном ханти. – отрезал Эльтан, не столько изображая, сколько действительно гневаясь на Линара. – Я могу захватить его с собой, если вы жела-

ете говорить с ним. Он ответит на ваши вопросы там, где вам удобно. — Эльтан знал, что при желании и его и Линара выволокут из Сиршаллена как загулявших подростков из бара, и решил проявить гибкость и готовность отдать непутевого полукровка. Как знать, может это даст им немного времени. Если Линара увезут в Кайрин сейчас, когда доказательств еще нет, лишь смутные слухи, быть может и охранять будут не так строго и он сбежит. Окажется в людском мире и никто из эльфов не будет наказан как его укрыватель.

— Не думаю, что это необходимо. Развлекайся, дорогой, а завтра жду тебя дома, хорошо?

— Разумеется, консул.

— Вот и славненько.

В трубке раздались гудки. Эльтан отключил связь и несколько минут стоял неподвижно, переживая омерзительные спазмы где-то в груди. Однажды, это закончится. Однажды...

Он подошел к окну и посмотрел на темный вечерний Сиршаллен. По дорожке мимо здания прогуливалась пара. Эльтан знал их, сиршаленцы, почтенная семья. Выглядели они конечно же как молодые влюбленные, но на деле в браке были уже... пять сотен лет? Около того. И дети были у них, трое. Последний позднорожденный, не больше ста лет девочке.

Вот ради чего он терпит все это. Эльтан с пристальным вниманием проводил пару, уходящую в ночной сумрак.

Ради них. Вот таких беззаботных. Ради них, ради Меланы, ради отца и матери, ради Линара...

Эльтан чувствовал себя грязным, ничтожным, опозорившим свой народ. Позволять человеку указывать, распоряжаться своей жизнью, терпеть это панибратство и все остальное.

– Это скоро закончится – прошептал он едва слышно. И даже если свобода не придет к нему, хотя бы не придется больше притворяться.

Эльтан расправил ссутулившиеся плечи. Нужно было выйти обратно к перстам и прочим. И он должен быть гордым и непобедимым кайране Сиршаллена, а не людской шавкой, что не может послушаться приказов и покорно лижет руку, держащую поводок.

Скоро это кончится. Так или иначе. Вирус не остановить. Если бы только не эта проклятая смертная и Линар с его проклятой любовью! Вот вся ее преданность! Сбежала и рассказала людям все, что знала.

Он вернулся в кабинет и сообщил новости. Люди узнали. Пока это лишь слухи. Завтра приедет кто-то для допроса Линара. Его следует или немедленно вывезти или оставить тут. Разумеется, они должны ратовать за спасение шахране, но если тот появится, то ждать от него следует только одного – он должен добровольно остаться в Сиршаллене и позволить

забрать себя. Все эльфы отрекутся от него, как от сумасшедшего фанатика. Люди заберут Линара, и он умрет, замученный пытками, один в людских застенках, пока эльфы будут спешно покидать города.

«Люблю ли я своего брата?..» – снова задался вопросом Эльтан.

Линар был болью и позором. Презренным неказистым уродцем в их роду, и все же... Эльтан не мог этого объяснить, но какая-то нить навсегда связала его, кайране Сиршаллена, и сына смертной женщины. Кровная нить.

Линар был его братом и другого у него никогда не было и не будет. В годы, когда Линар был в рождении, еще не мог ни ходить, ни говорить, Эльтан, бывало, пробирался в его спальню и неслышно подходил к колыбели. Крохотный младенец с острыми ушами, даже с виду хворый и больной, вызывал отвращение. Эльтан говорил себе, что к такому ребенку можно испытывать лишь отвращение! Но это было маленькое дитя, и Эльтан вспоминал Сильвин в колыбели и своего сына, которому судьба отмерила так мало. И вот духи привели к нему Линара. И что он, Эльтан должен был почувствовать? Любовь? К сыну смертной? Он не мог любить его как брата. Не мог забыть оскорбление матери. Но и ненавидеть не мог. Линар сопел во сне и хныкал, завернутый в пеленки, а Эльтан, взрослый муж прошедший три войны и потерявший семью стоял над колыбелью, не понимая собственных чувств.

Он хотел его ненавидеть и старался возненавидеть. Но так

и не смог. И вот Линар пришел к Владыке с планом освобождения народа. Маленький полукровка вырос и захотел свободы. Он убедил отца, и его Эльтана убедил. Но минуло полгода и на кого он променял народ, втавив в войну? На смертную жену! Нет ему прощения! Отдать его голову и пальцем не пошевелить в защиту! А эту Софию...

– Может мы ждем напрасно? – усмехнулся Эльтан. Сейчас ему хотелось приписать Линару все пороки разом. – Может он струсил и сбежал с ней вместе?

– Он вернется в Сиршаллен и останется здесь, покуда люди не затребуют его к себе. – веско отрезал Синай.

– И где же он, твой господин? – Эльтан едко поднял брови. Он всегда помнил, что Синай был ментором им обоим, но службу отдал Линару. Полукровке от смертной жены, но не Эльтану. Держать за это обиду было столь же глупо, как неволить деву, что предпочла другого. Сердце и службу отдают по своей воле. И все же Эльтан помнил, как Синай учил его, сражался рядом в войнах. Но *служение* отдал Линару. Потому что Эльтан принес ненавистный мир, а Линар развязал долгожданную четвертую войну? Нет. Десятый перст, Нилан, примкнул к нему за долгие века до Согласия о Землях. Так почему? Что Синай увидел в Линаре такого, чего не было в Эльтане? Чем же он был так плох? Ментор никогда ему об этом не говорил.

– Он придет. – сказал Синай и умолк, всем видом показывая, что говорить тут больше не о чем. Эльтан любовно

оглаживал свой меч, гадая как там Мелана. Ей отрезают уши. Насколько это больно? Будут ли они похожи на людские? И почему он не может держать свою госпожу за руку, почему это все происходит в такой спешке. Спасибо Линару и его смертной жене! Когда он увидит Мелану? Увидит ли он ее хоть когда-нибудь?

Наконец, через час Линар встрепанный, без перевязи, с мрачным блеском в глазах и, конечно же, без Нилана, ступил на его балкон.

Машина затормозила, голова Софи качнулась вперед, и она проснулась.

Сонно посмотрела вокруг – огни круглосуточной заправки горели ярким неоном.

– Спи, я только бензина залью, – сказал Нилан, отстегивая ремень. – Тебе купить чего-нибудь?

– Я сама. – Софи завожилась отстегиваясь. Голос со сна был хриплым, словно она подхватила простуду. Вышла из машины, поеживаясь на ночном ветерке.

Они выехали из Сландена около часа ночи. Нилану нужно был собрать вещи. Софи в нервном напряжении сидела на его продавленном диване и теребила сумку и сколько бы он ни говорил ей поспать, она просто не могла себя заставить.

Сейчас, когда решение было принято, промедление было ей мучительно. Время словно в насмешку текло по капле. Она сдастся властям. После шести месяцев под чужим именем, после того как ее объявили мертвой – ее разобла-

чат. Дальше было думать совсем страшно и Софи гнала мысли прочь. Жуткая история синране Сильвин заставляла горло сжиматься спазмом ужаса. Одно дело слушать о людской жестокости как о старой страшной сказке и совсем другое ждать, что испытать это придется на собственной шкуре.

Ожидание было невыносимо. Ей хотелось выбежать на улицу, найти первую попавшуюся патрульную полицейскую машину и сдаться с повинной, чтобы ее забрали куда-то там в застенки Роша. Она вспоминала его холодные, цепкие карие глаза.

«Глупая девочка...»

Что было бы, если она тогда согласилась покинуть Сиршаллен с ним?.. Теперь уже никогда не узнать.

Софи сходила в туалет и прошлась между полками в магазине на заправке. На глаза попались мармеладные мишки, которые она год, нет, вечность назад, просила купить Линара. Она взяла их, хотя и не хотела сладкого.

Хмурый Нилан расплачивался за бензин. Ощущение, что она сейчас выйдет на улицу, и у машины будет стоять Линар в неприметной вязаной шапке, а рядом рослый Синай в такой же, но ярко-голубой, стало пугающе осязаемым.

Софи посмотрела в окно. Их машина – неприметные бордовый седан – стояла у заправочной колонки. Конечно же, ни Линара, ни Синая не было. Синай в Сиршаллене, а Линар... Думать о том, что прямо сейчас где-то там в застенках людской тюрьмы его истязают, было парализующе ужас-

но. Но ведь нельзя сказать, что его пытаются ни за что. Что он невинная жертва.

Софи купила бутылку воды, пару сэндвичей и мармеладки. Нилан вытаскивал пистолет из бака, Софи села на пассажирское. В этом путешествии она ехала рядом, а не лежала кулем сзади. «Прогресс налицо, Софи», – едко поздравила она себя.

Распаковала сэндвич и впилась в него зубами. От бессонной ночи в машине ее пробрал лютый голод.

Нилан сел за руль, отъехал от колонки и остановился на парковке.

– Держи, – Софи бросила ему бутерброд.

– Спасибо.

В молчании они съели нехитрую еду и запили из одной бутылки воды.

– Поспи еще.

– Не усну.

Софи зашуршала пакетом с мармеладками.

– Софи! – она подняла голову. – Нет.

– Что – нет?

– Не ешь это. Дай сюда.

Нилан взял пакет и внимательно рассмотрел обратную сторону упаковки.

– Тебе нельзя это есть. – Нилан швырнул пакетик на торпеду.

– Почему?

Нилан промолчал, глядя вперед.

Софи взяла мармеладки и покрутила в руках. Сзади было все что и обычно: состав, энергетическая ценность, производитель, дата изготовления и сроки годности.

– Значит, вот как вы это сделали. – констатировала Софи прохладно рассматривая безобидных разноцветных мишек внутри пакета.

– Да, эти, скорее всего, заражены. Завод и сроки производства указывают на это.

– И много такого разошлось по миру?

– Достаточно. Мы заразили не только мармеладки. Это было бы с нашей стороны слишком недальновидно. Разумеется, мы провели исследования и выбрали самую популярную еду. В том числе детскую.

Софи вздохнула. Ей отчего-то совершенно не хотелось знать подробности. Даже думать о них не хотелось.

– Дети хорошие переносчики. – Нилан продолжал говорить, словно забывшись, монотонно и глухо. – Родители обязательно заразятся от них, другие дети и их родители. – он, наконец, умолк и устало потер глаза.

Софи безразлично откинулась на спинку кресла. Все это было для нее давно не новостью и узнать средства было почти безразлично. Обзывать подлецом и убийцей Нилана казалось фарсом. Как она может выражать возмущение, когда едет куда-то, чтобы спасти виновника этого всего?

– Ясно. – пробормотала Софи, пристегнула ремень и от-

вернулась к окну. Нилан завел машину и они выехали на шоссе.

Оказалось прежде чем сдаваться нужно съездить в Кайрин. Софи слишком измученная и встревоженная сборами и нервным истощением даже не поинтересовалась зачем. Она вложила свою жизнь в их руки, на этот раз добровольно, и если Нилан говорит, что нужно ехать в Кайрин, значит, так оно и есть. И Софи, как послушная корова, которую ведут на убой, пошла и села в машину.

В пути Нилан заставил ее запомнить собственное поддельное имя, дату рождения. Они якобы встречались и ехали навестить друзей.

– Не родню, не перепутай. Друзей нельзя отследить, родню можно. – делился он своим конспиративным опытом.

Софи подремала несколько часов в машине. Нилан бесстрастно вел. Он выглядел утомленным, но не дорогой, а чем-то другим – гораздо более важным и долгим. Утро встретило их в придорожном кафе.

– Странное чувство, – не удержалась Софи. – Помнишь, мы ехали так же год назад.

– У нас говорят общие воспоминания связывают лучше родственных чувств. – хмыкнул Нилан. Он потягивал свою любимую газировку через трубочку.

– Не думаю. – нахмурилась Софи. – Ты не дороже мне чем отец и мать.

– А Джон? – Нилан хитро поглядел на нее. Софи отвела

глаза и продолжила есть. Джон?..

Она не смогла бы ответить на этот вопрос. Кем он стал для нее? Насколько сильно она его любила? Любит ли сейчас? Это все казалось глупым и неважным перед лицом фактов – он умирает и нужно помочь. А чувства... Разве до них сейчас? Разве они что-то значат?

Софи не могла думать ни о чем, кроме своего ближайшего будущего, где ей грозили пытки и смерть. И пусть «любовь» и «жертва» звучало ужасно благородно, она делала это не потому что осознанно понимала, что любит Линара и ради этой любви готова пойти на жертву. Вовсе нет. Она делала это потому, что не могла иначе. Не могла оставить Линара умирать и даже пальцем не пошевелить. Чего бы это ни стоило, она готова была рискнуть жизнью, чтобы спасти его. А почему... Так ли уж это важно искать всему на свете объяснения и слова.

До Кайрина путь был неблизкий. Они провели в дороге двое суток. Нилан, похоже, совсем не устал, давил себе на газ и даже не прикорнул ни разу. Софи отсыпалась на заднем сидении, неуютно подвернув ноги. Просить о ночевке не смела. Джон умирает, какая уж тут ночевка.

В столицу они въехали ранним утром, но до места назначения добрались только к полудню – застряли в пробках, пообедали в придорожной забегаловке.

Когда машина, наконец, остановилась где-то в промышленной зоне, Софи с удовольствием вышла и размяла ноги.

Вокруг были склады, закрытые на замки решетки, сваленный грудой хлам, забытые гниющие прицепы и покрышки.

– Очаровательно. – заметила она.

Нилан вышел, хрустнул шеей и закурил. Он обошел машину, открыл багажник и вытащил свою сумку. Бросил ее перед капотом и стоял докуривая еще пару минут. Софи нервно оглянулась.

– Чего мы ждем?

– Всегда лучше повременить, осмотреться, знаешь ли.

– М... Ясно.

Она пошла побродить кругом. Рядом с одними воротами висела помпезного вида кованая железная табличка с выбитой эмблемой железнодорожной компании. «Склад №1384 Забытые вещи» значилось на ней. Софи улыбнулась. Вот, значит, куда попадают все те вещи, что потерялись в вагонах и не были востребованы. А она-то думала, что их просто выкидывают.

Рядом с воротами однако висел весьма новый и современный кодовый замок. Софи удивилась. Дверь выглядела так, словно ее маркировали лет двадцать назад. Подошел Нилан.

– Чутье тебя не обмануло. – с улыбкой сказал он и стал набирать код. С первого раза не вышло, со второго тоже. Он призадумался.

– Дверью ошибся?

– Да нет, они вечно меняют код на всякий случай. Сцина параноик похуже Синая. – Нилан ввел еще одну последова-

тельность цифр. Снова отказ.

– Битва на Гласе была в восьмом или в седьмом году? – спросил Нилан. Софи недоуменно подняла брови.

– В тысяча шестьсот восьмом.

Нилан ввел год. Зажглась зеленая лампочка и дверь открылась.

– Сцина всегда ставит даты каких-нибудь исторических событий, которые ее греют. – ухмыльнулся он. – В основном, когда люди проигрывали крупные битвы в войне.

– Не терпится с ней познакомиться, – скептически фыркнула Софи.

Они зашли внутрь. Первое помещение выглядело именно так, как Софи и представляла. Тут были огромные металлические стеллажи, заставленные сумками и чемоданами всех возможных расцветок и мастей. Бирки с датами и штампами вокзалов гроздьями свисали в проход.

– Почему люди не забирают их?

– Спроси у них. Раньше по правилам железных дорог они хранили этот хлам три года, сейчас сократили до шести месяцев, а вот финансирование и площади нет. Кое-кто подсутился, чтобы это упустили из виду и вот у нас есть прекрасное место в триста квадратов, закрепленное за государственной компанией.

– И никто не задает вопросов?

– Бывает, конечно. Но в тех структурах, в которых мы

имеем интерес, всегда есть человек, играющий за нас. Железные дороги одна из таких структур, это артерии, вены и кровь вашей цивилизации, замечаете вы это или нет. Если появляется любопытствующий начальника среднего звена у него или прибавляется работы, или его переводят или находят некомпетентным. Конечно, он не связывает перемены в своей жизни с нахождением слишком большой площади хранения потерянного багажа.

Они прошли помещение насквозь и уперлись в еще одну дверь. Нилан ввел код. На этот раз обошлось всего двумя попытками.

За дверью оказалась металлическая лестница в два пролета и коридор с дверями, каждая на кодовом замке, оканчивающийся выходом в просторную комнату.

– Это что?..

– База. Место переночевать или спрятаться. Тут и оружием можно разжиться и новостями.

Они прошли коридор и вышли то, что Софи могла бы назвать столовой. Посередине стоял большой стол, по углам ютились шкафчики и тумбочки. На столе лежали бумаги и схемы каких-то зданий, расписание пригородных электричек, список зачеркнутых и обведенных адресов и телефонных номеров.

– Садись, сварганю кофе, а потом размещу тебя. Нам нужна Сцина, возможно, придется ждать весь день.

Нилан кинул сумку на пол и ушел в соседнюю комна-

ту. Зашумела кофемолка, Софи, увидев в уголке раковину, умылась холодной водой. После двух дней в машине ужасно хотелось в душ, но она покорно села за стол и принялась от нечего делать перебирать бумаги. Снова зашумела кофемолка и в этот момент пикнул замок на двери в коридоре.

Софи безразлично обернулась. Кто-то не таясь, шумно и громко сбежал по лестнице и пошел по коридору в ее сторону. Софи поймала себя на том, что совсем не боится. И даже не потому, что Нилан в соседней комнате, а потому что ей в этот момент совершенно некого было бояться. Для эльфов она драгоценный шанс спасти шахране, для людей – источник информации. Будет ли она еще хоть когда-нибудь чувствовать себя настолько спокойно?

В проходе появился высокий темноволосый парень. Мгновение они смотрели друг на друга, не узнавая, потом почти одновременно их глаза расширились.

– Ты?! – Кайране Макидара шагнул в комнату. Он подстригся, манерные выбритые виски оставляли открытыми аккуратные округлые уши, на макушке остался короткий темный хвостик. В остальном он был все тот же – темноволосый, хмурый и надменный. Потертая кожанка и черные джинсы сидели на нем так, словно он только это и носил в своей жизни. Даже серебряные сережки в ухе остались на месте. «Сойдет за солиста рок-группы» – со смешком подумала Софи.

– Я. – поддакнула она и безразлично отвернулась. Мда,

вот уж кого она не жаждала встретить так это Шедара Макидарского.

Кайране медленно обошел ее, внимательно разглядывая. Ее темные волосы и непривычное каре видно и его в первую секунду сбили с толку. А впрочем, разве ему стоило утруждаться запоминать лицо какой-то ханти.

– Кто нашел тебя? Почему ты свободна? – Шедар строго нахмурился. Софи недоуменно поглядела в ответ.

– Прошу прощения?..

В этот момент из соседней комнаты с двумя чашками кофе появился Нилан. Он замер и с улыбкой выжидающе поглядел на макидарца. Тот по эльфийской традиции соизволил первым начать беседу. Кивком.

– Доброго дня, кайране. – Нилан поставил чашку перед Софи. – Сливков нет, не обессудь.

– Господи, и как вы живете.

Шедар сделал несколько шагов от Софи и Налана, словно пытался увидеть всю картину целиком.

– Линьяр, как ты нашел ее?

– Я и не терял. – пожал плечами Нилан.

– Значит ты знал, где она и молчал? Скрывался как трусливая крыса. – ощерился Шедар.

– Я выполнял волю шахране.

– А сейчас? Ты все еще выполняешь его волю?

– София сделала выбор, я не принуждал ее. – Нилан пожал плечами и пригубил кофе. – Ну как тебе?

– Без сливок. Сам как думаешь? – Они с Ниланом довольно попивали из чашек, под изумленным взглядом макидаря.

– Сама? – Шедар хохотнул так, словно Нилан сказал невероятно глупую шутку. – То есть ты *сама* решила отдаться на поругание людям, принять пытки и смерть ради эльфа?

Софи пригубила кофе.

– Надеюсь, это не основной план? – спросила она Нилана. Разговаривать с Шедаром ей совершенно не хотелось и она нарочно даже взгляда в его сторону не бросила.

– Ну, как получится, – Нилан беззаботно пожал плечами.

– Может посоветуешься с Финаром? Он у вас вроде как генеральный тактической мысли. Мне тревожно доверять свою жизнь таким юным неумехам как вы. – Софи состроила скептическую гримасу.

– Я, вообще-то, прошел войну, смертная девчонка! – возмутился Нилан.

– Продул войну, ты хотел сказать? – Софи отсалютовала ему чашкой.

Кайране все больше хмурился, нахохлившийся как ворон, глядящий на чириканье воробьев.

– Линар быть может умирает прямо сейчас, а вы смеестьесь?! – прорычал Шедар. Он глядел то на нее, то на Нилана с неприкрытой яростью.

– Я линьяр, она смертная дева. В глазах эльфов, мы самые презренные люди на этой планете, поэтому можем де-

лать все, что нам заблагорассудится, кайране. От того, что мы будем сидеть тут с постными лицами Линару вряд ли станет лучше.

– Не даром тебя презирает народ от одного океана до другого. Перевертыш!

Нилан пожал плечами.

– Вы вправе оскорблять меня, кайране. Просто не надейтесь, что меня это заденет.

– А я не хочу слушать оскорбления. – заявила Софи. В этот миг она совсем не боялась Шедара. – Нилан сделал для шахране больше чем кто бы то ни было. Он спас ему жизнь. Он верный друг. А ты только и умеешь? что оскорблять верных и любимых шахране людей и эльфов. Такова твоя дружба, кайране?

– Как смеешь ты, смертная девка, говорить со мной о дружбе?!

– Как смеешь ты унижать шахране Сиршаллена и его выбор?

Шедар сжал зубы так, что заиграли желваки.

– Придержи свой язык, если не хочешь его лишиться, смертная.

– И ты еще нас попрекаешь в безразличии к судьбе Линара? – Софи насмешливо хмыкнула. – Называть госпожу сердца лучшего друга девкой, это нормально? – Софи издевательски задала этот вопрос Нилану.

Тот хохотнул:

– Боги, нет! За такое, разумеется, следует вызов. А в Сиршаллене Линар мог бы потребовать и просто крови. Конечно, если бы ты была эльфийкой.

– Значит, будь я эльфийкой, он подавился бы этими словами, так? Ну а раз я не эльфийка, все что остается – самостоятельно защищать свою честь. – Софи хоть и говорила ровно, внутри кипела. Снова этот мерзкий Кайране Макидара, снова оскорбления! Надоело! Руки ее дрожали, но не от страха, а от ярости. Софи встала, сделала шаг вперед и выплеснула остатки кофе в лицо Шедару.

Он изумленно отшатнулся и замер. Черная кофейная жижа медленно стекала по его щеке. Шедар глядел на Софи с таким удивлением и неверием, словно на ее голове только что выросли ветвистые рога. Софи уже жалела, что не сдержалась. И что она докажет такими жестами? Исправит его? Заставит уважать смертных женщин? Наверное, это все бессмысленно... Но как бы бессмысленно это ни было, она не собиралась и дальше терпеть оскорбления от Шедара. Софи поставила пустую чашку на стол и порылась в своей сумке.

– Простите меня, кайране. Я вышла из себя. – она протянула ему салфетки. Шедар медленно, словно едва сдерживался от того, чтобы не свернуть ей шею сию же секунду, взял салфетку и утер лицо. Губы его были плотно сомкнуты.

Нилан, как обычно давая хитрую усмешку, поглядывал то на Шедара то на Софи.

– Что ж, я размещу Софию в одной из комнат. – подыто-

жил он. – Вы не знаете когда Сцина обещала появиться, кайране?

Шедар кинул на него испепеляющий взгляд, презрительно смерил и Софи и молча вышел из комнаты. Хлопнула одна из дверей в коридоре.

– Без театральщины никак было не обойтись? – тихо спросил Нилан.

– Он меня бесит. – призналась Софи в сердцах. – И, как знать, может второго шанса высказать ему это не будет.

– Ты его тоже бесишь, должен заметить. – Нилан усмехнулся. – Ты знаешь что несмотря на молодость, в Макидаре его прозвали Ледяной кайране? Он всегда холоден и рассудителен, а ты выводешь его из себя. Иметь такого врага тебе не по плечу, малыш.

– Врага? – Софи фыркнула. – Такая грязь под ногами как я вряд ли может претендовать...

– Он был так воспитан. Так воспитаны все макидарцы. Смертным мужчинам – ненависть, а женщинам – презрение. Это их философия, которой столетия. Но ты, я бы сказал, удостоилась ненависти. – Нилан чуть понизил голос, словно боялся что Шедар услышит его. – Одно это уже делает тебя крайне неприятной для него. Полагаю даже... смущающей.

Софи недоуменно подняла брови. Нилан тихо посмеялся себе под нос.

– Что ты хихикаешь?

– Говорят первый перст Эльтана, Илларен, ненавидел Ше-

ланну все то время, что росло их древо. Постоянно отговаривал кайране от женитьбы. Ох, как они друг друга не любили.

– Значит, эльфы умеют ненавидеть друг друга?

– Разумеется. Не менее страстно чем любить. – Нилан кивнул на коридор. Пойдем, я размещу тебя со всеми удобствами, что тут есть.

Софи отоспалась в маленькой комнатке на жестковатой койке, приняла душ в крохотном закутке, что заменял тут ванну. Быт был устроен скромно, по-походному. Койка и душ. Даже шкафа для вещей и того не было, эльфы явно не жили тут постоянно.

Вечером Софи отважилась выйти в общую комнату. Она проголодалась. К ее разочарованию, Нилана не было видно, зато за столом сидел и чертил что-то на большом листе бумаги кайране Шедар. Он был в светлой футболке с коротким рукавом. Софи впервые увидела его запястья – по ним тянулась вязь татуировок – листья, надписи на эльфийском, узоры.

Софи открыла было рот, чтобы заговорить и тут же прикусила язык. В конце концов, перед ней был кайране, он должен был начать разговор, если ему угодно. А если не угодно, так Софи не расстроится ни капли.

Она прошла мимо молча, дошла до соседней комнаты, где нашлась кофеварка, крохотный холодильник и пара кухонных шкафов. Могла или нет брать отсюда съестное Софи не

знала, поэтому ограничилась чашкой кофе. Вернулась к столу и села напротив Шедара. Он отодвинул свой рисунок. Софи увидела на нем план какого-то здания, похоже, он чертил его по памяти.

Шедар замер и сжал кулаки.

– Твои слова были справедливы. Как и упреки. – процедил он так неохотно, словно ждал, что слова таки не соскользнут с его губ. Софи размешала сахар ложечкой. – Я должен чтить выбор Линара, даже если он глуп и принесет лишь горести и ему и народу.

– Это что, извинения? – не поверила она. Наверное, два дня назад, она не стала бы его мучить, понимая как тяжело ему и это-то сказать. Но сегодня ей было удивительно безразличны чьи-либо чувства и удобство, тем более Шедара Макидарского.

Он посмотрел на нее с откровенной неприязнью и вдруг резко поднялся. Стул со скрипом отъехал назад.

Шедар, глядя на нее с вызовом, приложил большой палец к переносице и отрывисто провел до кончика носа.

– Я прошу прощения за оскорбления нанесенные госпоже сердца шахране. – процедил он. Приложил руку к груди и невнятно качнул головой, видимо изображая поклон.

– М... Спасибо. – Софи усмехнулась. – Я тоже прошу прощения, что плеснула тебе в лицо кофе.

– Полагаю, по твоему мнению, я это заслужил. Я сдержу слова пока ты госпожа его сердца. Не думаю, что это про-

длится долго, — он придвинул стул и снова взял в руки карандаш. Софи только вздохнула. Госпожа сердца, ханти, смертная... Все это сейчас навевало на нее сон. Она давно не знала кто она такая. Хотелось быть просто самой собой, но для эльфов это ровнялось приبلудившейся дворняге. Софи откинулась на спинку стула и прикрыла глаза, попивая кофе. Как же она устала от этих эльфийских ярлыков. Устала подстраиваться под их высокие требования, слушать снова и снова насколько она, человек, недостойна презируемого всем народом сына ханти, шахране Сиршаллена.

— Я не госпожа его сердца. — вздохнула Софи. — Эльф не выменял бы свою госпожу на мечь. Так что можешь снова плевать в меня ядом. Но предупреждаю, терпеть я не намерена. — она отсалютовала ему чашкой с кофе.

— Будь мы в Макидаре...

— Но мы не в Макидаре.

— Я и здесь могу лишить тебя жизни.

— Ну можешь, и что? — Софи пригубила кофе. — И кто тогда спасет твоего друга шахране?

— Ты не спасешь его. Я знаю, чего ты желаешь. — он смотрел на нее с презрением, полностью уверенный в своих словах. Софи недоуменно нахмурилась. — Надеешься снискать милости людей.

— Вот как?

— Ищешь их защиты, притворяясь, что желаешь спасти Линара. Предашь нас как только окажешься в их руках. Ли-

ньяр глуп и наивен, но я – нет.

– У него имя есть. – прохладно заметила Софи.

– Он лишился его, когда предал законы и кайране Эльтана.

– Но кайране Эльтан зовет его по имени, разве нет? Чем же тебе оно не угодило?

– Он был последним из его перстов. Последним, кому кайране Сиршаллена отдал эту честь. И так он отблагодарил его – предал. Грязь под ногами заслуживает большего почтения...

– Ясно. – Софи раздраженно вздохнула. – А у тебя сколько перстов? – спросила она. Шедар заледенел.

– Двое.

– Отчего так мало? Некого взять? Никто не жаждет? – Софи прекрасно помнила урок Нилана. У Шедара, позднорожденного, уже было двое эльфов, которые были готовы отдать за него жизнь, и насмеяться над этим было, разумеется, глупо. Но Софи все равно язвила. Не могла себя остановить.

Он бросил на нее взгляд, полный презрения и вернулся к рисунку.

Какое-то время они молчали. Софи допила кофе и спросила:

– Что ты рисуешь?

– Зачем тебе знать?

– Интересно.

Шедар вызывающе выпрямился. Даже сидя он был замет-

но выше, чуть не на голову. Софи чувствовала всей кожей его физическое превосходство и от этого еще больше кипела.

– Это план здания. Сегодня я нашел его в архивах. Уносить или снимать копии запрещено, но мне достаточно лишь увидеть. Я ничего не забываю. – сказал он с особым ударением. Софи поняла, что он имеет ввиду ее выступление с кофе. Она безразлично пожала плечами.

– Я тоже не жалуюсь на память, кайране. Помнится, вы хотели взять меня как ханти. Интересно, Линару это покажется забавной шуткой?

– Я бы никогда не взял такую ханти как ты. – он скривился.

– Черт! – цокнула языком Софи. – Придется все-таки остаться с шахране. А ведь ты обещал мне денег втрое больше. Ноль умножить на три, сколько это? – ерничала Софи. – Кажется, целое состояние уплыло прямо из-под носа. – вздохнула она.

Шедар сжал карандаш так, что тот затрещал в его руке.

– Твой язык излишне смел, смертная.

– Разве он говорит неправду, эльф?

Карандаш в его руке все же сломался. Шедар медленно поднялся.

Софи беззаботно глядела на него снизу вверх.

– Я вас оскорбила, кайране? Чем?

– Я принес тебе извинения. Это и так больше чем заслуживает такая, как ты...

Сзади пикнул замок и кто-то стал спускаться по лестнице. Нилан застал их в той же замершей сцене: Софи беззаботно откинувшаяся на стуле и Шедар стоящий в полный рост и сжимающий кулаки.

– Привет... – сказал Нилан осторожно. – Я тут еды принес...

– Линьяр, держи эту смертную на привязи или я воспитаю ее. – процедил Шедар.

– И почему вы не ладите, а? Софи, плохая девчонка! Что ты опять наговорила кайране? – шутливо пожурил ее Нилан.

– Ничего. Просто возмутилась, что он предлагал мне быть его ханти, а теперь пошел на попятный...

Нилан замер. Перевел взгляд на Шедара. Софи чуть не выронила чашку – макидарец покраснел.

– Ч-что, прости? – Нилан аж споткнулся.

– А что? Он...

– Замолчи! – зашипел Шедар. Щеки его пошли красными пятнами.

Софи сглотнула. Она поняла, что это было действительно что-то из ряда вон выходящее. По тому как многозначительно молчал Нилан, как кайране мучительно краснел, не отводя взгляда. Она могла бы добить его, уличить в грязных предложениях госпоже сердца лучшего друга. Но что бы это поменяло? Ничего. И Софи поспешно поправилась:

– Я пошутила. Дурацкие у меня шутки. Такую, как я, в ханти мог взять только Линар с его сумасшедшими вкуса-

ми. – Софи деланно посмеялась.

– Держи свой язык на привязи, – сказал Шедар, но угрозе явственно не хватало его обычного грозного запала. Звучало слишком уж виновато.

– Простите, кайране. Я неудачно пошутила. Прошу прощения, если бросила на вас тень. Нилан, я заверяю тебя, кайране был со мной предельно уважителен. – заверила Софи.

– Не сомневаюсь. – Нилан издевательски фыркнул.

Шедар сел и снова стал чертить свое здание. Руки его дрожали.

– Что ты там принес? – Софи торопливо зашуршала пакетами.

– Что нашел на ближайшей улице, на многое не рассчитывай. Как у нас с транспортом, кайране?

Шедар бросил на него мрачный взгляд.

– Достаточно.

– Оружие?

Шедар неопределенно повел плечом.

– Смотря для чего.

– Нужно будет подготовиться, прежде чем сдавать Софи.

Думаю, нам понадобится арсенал помощнее.

Шедар поглядел на нее и холодно хмыкнул.

– *Если* он нам понадобится.

Софи ела куриные ножки, обмакивая в соус. Разговоры эти почти не пугали ее, словно это не ее жизнь будет зависеть от того, насколько хорошо эти парни будут вооружены. Все

казалось ей каким-то нелепым сном.

Они просидели до самого вечера, болтая с Ниланом ни о чем. Шедар ушел в комнату. Софи, давая зевок, последовала его примеру.

Утром она проснулась от того, что кто-то отчаянно ругался за дверью.

Кое-как умылась, оделась и осторожно выглянула в коридор.

– Никто тебя тут не держит! – раздался холодный женский голос.

– Я друг шахране и я буду здесь. Не тебе мне указывать. Ты – никто!

– Придержи язык, сопляк, или я вырежу его!

– Спокойнее! – примирительно вступил Нилан. Софи осторожно пробралась поближе и заглянула в дверной проем. В комнате стояла низкорослая девушка, темноволосая, вихрастая с небрежным хвостиком на макушке. Кудри с неровной челки лезли во все стороны. Она, полыхая гневом, смотрела на Шедара, что был выше нее больше чем на голову.

– Еще слово! – прошипел макидарец.

– И что ты мне сделаешь, мальчик?

Он кинулся на нее, отшвырнув стул. Софи в ужасе вжалась в стену. Она подумала, что Нилан вступиться, но тот так же как и Софи предпочел отпрянуть в сторону. Шедар замахнулся кулаком, но маленькая девушка ловко выверну-

ла его под странным углом и ударила кайране под ребра. Тот взревел, они сцепились, молотя друг друга куда придется. От каждого удара душа Софи уходила в пятки. Ударь ее кто-то с такой силой, она бы, наверное, костей не собрала. Но эти двое мутозили друг друга и словно не чувствовали боли, только кровь летела во все стороны.

Шедар взревел, когда девушка заломила ему пальцы еще одним хитрым захватом, схватил ее за шкуру как котенка и кинул на стол с такой силой, что тот разломился пополам.

– Нилан! – в ужасе вскрикнула Софи, когда макидарец набросился на девушку сверху с таким видом, будто сейчас убьет одним ударом. Но уже через мгновение девушка вывернулась, вжала Шадара в крошево щепок, уселась сверху и начала безжалостно и методично бить по лицу так, что от звуков Софи замутило.

– Мелкий! Наглый! Гаденыш! Да что ты о себе возомнил! – заорала девица. Шедар вывернулся и оттолкнул ее ногой с такой силой, что она пролетела всю комнату и врезалась в Софи.

Той показалось, что в нее прилетела бетонная балка.

– СТОП! – заорал Нилан. – Хватит, будьте вы прокляты с вашим Макидаром!

Он подскочил и поднял Софи.

– Эй, малыш, ты как? Живая?

Софи испуганно вцепилась в его руки.

– Они что совсем? – залепетала она испуганно.

– Семейные разборки, не обращай внимания.

– Да, не обращай внимания, – нагло поддакнула девушка, утирая кровь с виска. От падения на стол ей раскололо голову. – Один мелкий хер решил, что он умнее всех. – она смахнула испачканную кровью челку. Софи заметила что на левом глазу у нее крупное бельмо. По ее лбу снова потекла кровь, и девушка небрежно, как могут только эльфы, вытерла ее ладонью. Шедар поднялся из останков разрушенного стола.

– Ты будешь говорить со мной как с кайране твоего града или я тебя убью. – процедил он.

– Кишка тонка. Я сама тебя убью, дай только срок.

– Заткнитесь оба, а? – возмутился Нилан.

– Не смей так говорить со мной, линьяр! – тут же ощерился Шедар.

– Софи, как голова? Сколько пальцев? – Нилан показал три пальца.

– Я в порядке. – отмахнулась Софи и встала, держась подалеже от макидарцев и поближе к стенке.

– Я надеялся найти тут помощь, а не это. – Нилан цокнул языком, глядя на сломанный стол.

– Тогда нужно было позвать меня, а не *этого*. – девушка кивнула на Шедара.

– Нас и так мало, кайране.

– Не называй ее так! – вспыхнул Шедар. – Она не имеет права на этот титул!

– А ты имеешь? – девушка издевательски расхохоталась.

Шедар побелевший от гнева обернулся кругом.

– Где мой клинок?! – прорычал он.

– Я его спрятал. – невозмутимо ответил Нилан.

– Что?!

– Спрятал. – он пожал плечами. – Почему-то я решил, что вы начнете собачиться и лучше это сделать без холодного оружия.

– А, крошка Шедар безоружен. – девушка с кровожадной улыбкой вынула из поясных ножен длинный нож.

– Сцина... – страдальчески вздохнул Нилан. – Ну хватит, а? Мы здесь ради шахране. Вы должны отложить свои разногласия или я ухожу.

– И куда ты пойдешь? – нагло спросила девушка, но все же убрала нож. – Ладно, я готова вложить клинки в ножны на время спасательной операции. Но не дольше. Как только твой полукровка будет у нас за любое наглое слово я сниму этому мелкому засранцу голову. – отчеканила она.

Шедар, казалось, готов убивать взглядом.

– Как только Линар будет у нас ты подавишься каждым оскорбительным словом, что произнесла, линьяр. – процедил он угрожающе.

– Дрожу от ужаса, Шедар Макидарский, чьи подвиги твоекратно воспеты менестрелями. Ах, да, не было же никаких подвигов. То, что ты трахаешь смертных девок, не есть подвиг, если ты не знал.

Шедар заледенев, молчал.

– Что? Слушки доходят и досюда, маленький брат.

– Не тебе меня судить, предавшая клятвы.

– Не болтай о чем не знаешь, позднорожденный!

– О, Владычица лесов... – Нилан вдруг взял и поставил

Софи ровно между Шедаром и Сциной. – Так. Вот София. Она смертная. И если вы ее зашибете Линару конец. Это ясно?

– Не говори со мной как с идиотом! – прошипел Шедар и отвернувшись стал смахивать щепки с футболки.

– Значит, эта смертная подружка шахране? – Сцина нагло смерила Софи взглядом с ног до головы. – Мда, да тут и у меня были все шансы. Ты самая страшненькая ханти, которую я только видела, цветочек.

Софи прыснула. Это можно было расценить как оскорбление, но сказано было так спокойно, размерено и искренне, что больше походило на комплимент.

– Спасибо. – сказала Софи с ухмылкой.

– О! – Сцина ткнула в нее пальцем. – Смотри как нужно принимать иронию в свой адрес, детка. – Она мотнула головой, показывая Шедару, мол, учись.

– Лучше не говори со мной. – сквозь зубы процедил он.

– Было бы о чем. – ядовито откликнулась Сцина.

Нилан закатил глаза.

– Софи, разреши представить – знаменитая Сцина Макидарская, Непримируемая дочь, Клинок...

– Заткнись, Нилан! – скривилась Сцина.

– Когда-то эта милая дама была кайране Макидара.

– Очень давно. – пробурчал Шедар.

– И восьмым перстом кайране Эльтана. Лишена всех титулов, так как стала линьяр.

– А кто бы не стал, а? – она подошла и пожала Нилану руку как старому приятелю. – Выглядишь кошмарно. – покачала головой.

– Это пластика... – Нилан дотронулся до морщин в уголках глаз. Софи на мгновение показалось, что он смутился.

– Я про твою красивую кофточку. – она дернула его толстовку с эмблемой Сланденовских гончих. Нилан усмехнулся.

– Иди к черту.

– Ага-ага, – Сцина подхватила упавший стул и оседлала его. На ногах у нее были высокие кожаные сапоги с множеством ремней, похожие на краги для верховой езды. Под кожанкой виднелась драная майка. Софи краем глаза поглядела на Шедара. Интересно, эти непримиримые родственники заметили, что одевались они неуловимо схоже, в таком роковом стиле. У Сцины тоже серебрились в ухе (очень даже округлом ухе) серьги. В основном колечки с небольшими подвесками. Их было куда больше чем у Шедара, просто все ухо было утыкано.

Белесый мутный глаз эльфийки притягивал и одновременно отпугивал, придавая облику что-то мистическое,

ведьмовское. Софи не знала, как смотреть ей в глаза, чтобы не пялиться.

– Что у вас с глазом? – спросила она по наитию. Почему-то казалось, что изображать вежливость перед такой особой последнее дело. Сцина усмехнулась.

– Подралась с волком. Воспитывала своего волчонка по старым заповедям. А он строптивый был, весь в меня. Так вот и вышло. Он мне глаз выдрал, а я ему ухо оторвала. Зажить зажил, но немного не до конца. Ах, как матушка горевала. Кто же меня замуж возьмет с таким-то лицом.

Нилан рассмеялся понятной одному ему шутке.

– Раньше в Макидаре были волки... – пояснила Сцина для Софи.

– Да, я знаю. Макидарские волки размером с коня.

– Ага. Нынешней молодежи, – острый взгляд в сторону Шедара. – Не довелось проходить эту школу жизни, но раньше каждому макидарцу давали щенка из-под волчицы. И воспитывай. Не сможешь – не обессудь, откусит тебе чего-нибудь, да и позора не оберешься. Ну а детям владыки, естественно, самых матерых. Мальчишкам само собой. Но я тоже взяла. И не жалела ни дня.

– И где ваш волк?

Сцина поглядела на Софи и промолчала.

– Итак, план твой полное и беспросветное дерьмо, Нилан. – заявила она. – Но другого у нас, похоже, не намечается. Ты понимаешь что там тебя ждет, цветочек?

– Понимаю. – ответила Софи.

– Понимаешь?

– Да.

– Ага...

Она поманила Софи пальцем. Та подошла. Сцина взяла ее за руку и так сдавила запястье, что Софи рухнула на колени.

– Сцина! – крикнул Нилан, но только подошел, не вмешался.

– Ты готова к такому? – рявкнула Сцина.

Софи задышавшись попыталась выдернуть руку.

– Прекрати! – К ее изумлению, руку вырвал не Нилан, а Шедар. – Оставь ее! Как ты смеешь?! Она госпожа сердца шахране Сиршаллена!

– Это не остановит людей, знаешь ли.

Шедар отвел Софи в сторону и торопливо отдернул руки. Нилан мрачно смотрел на нее. Софи глотая слезы, баюкала руку. Боль была адская, но что она могла поделать? Возмутиться? Ведь эта Сцина права – там с Софи могут сделать что-то и похуже. В комнате повисло мрачное молчание.

– Она должна понимать на что соглашается, Нилан. Или мы с тобой ничем не отличаемся от таких вот бравых поборников линья как наш юный кайране. – Сцина улыбнулась Шедару.

– Я понимаю на что соглашаюсь, но репетиций не просила. – процедила Софи, с яростью глядя на Сцину. – Не смей ко мне прикасаться!

Та хмыкнула.

– Хорошо. Сдадим ее не в Кайрине, это слишком глупо. Она не должна была сюда ехать. Отъедем подальше, и в какой-нибудь провинции она украдет что-нибудь в магазине. Глядишь местные полицейские на радостях и пробьют ее фото по базе. А там уже дело техники. Но нам нужен жучок и он будет у нее под кожей. Его нужно достать. И оружие, конечно. Нас трое... немного.

– Да, немного.

– Побратимы могут помочь. Тинар и Архан покинули Сиршаллен вместе с кайране Меланой, – Сцина бросила странный взгляд на Нилана. – Их можно разыскать.

– Время, да и без толку. Они не оставят кайране без призора. Тинар так точно.

– Твоя правда.

Софи стояла, потирая руку.

– Ее нужно сдать, а поиском помощи и боеприпасов заняться уже по месту. Мы же не знаем где именно будет заварушка.

– Справедливо.

– А что с Синаем? Он был бы чертовски полезен в таком деле.

– Он решил не покидать Сиршаллен.

– Очень мудрое и своевременное решение! В его стиле! – фыркнула Сцина.

– Ты говоришь о великом менторе. – процедил Шедар. –

Прояви уважение.

– К чему? К тому, что ему наплевать, если его господина, которому он принес обеты, кромсают на кусочки? С чего бы мне уважать такие порывы?

Сцина встала.

– Хорошо, Нилан. Я достану жучок и транспорт, но нужно будет еще время на заживление. Она смертная, на ней не заживет это как на эльфе.

– Времени нет. Найдете местечко поукромнее и все.

– Как скажешь.

Она дернула манжеты куртки, выпрямляя рукава и кивнула Софи.

– Я уважаю твое решение, София Тен. – Софи удивилась тому, что она знает ее полное имя. – Пока что это просто треп, но если доведешь дело до конца, я стану уважать тебя по-настоящему.

– Никому не нужен почет от такой как ты. – тут же фыркнул Шедар.

– Говорите за себя, кайране. – сдавленно сказала Софи. На запястье проступил четкий красноватый след от пальцев Сцины. «Синяки будут знатные... Это какая же силища в этой хрупкой на вид девушке» – удивилась Софи. – Если эльфы и проявляли ко мне уважение, то только линьяр.

– Это неправда. – негромко заметил Нилан. – Не все мы так уж безнадежны.

– Скоро узнаем. – хмыкнула Софи и ушла в свою комнату.

Вечером эльфийская база притихла. Софи лежала в своей «комнате» пытаясь заснуть. Сон был отличным способом скоротать время, а еще во сне она забывала о том, что ее ждет, и липкий парализующий страх отступал. В последнее время ей часто снились родители, которые не признавали в ней свою дочь.

«София умерла!» – кричала мама и вырывала руки, которые Софи пыталась схватить. Софи бежала за ней, умоляла узнать ее, посмотреть ей в лицо, но мама уходила, громко хлопнув дверью, и Софи оставалась совсем одна, растерянная и обиженная. Просыпаясь от такого сна, хотелось поплакать, но право же, она просто не могла. Плакать из-за сна, когда впереди ее ждут пытки было просто смешно.

Кто-то прошел по коридору, но Софи не пошевелилась. Она снова уткнулась в подушку, пытаясь заснуть и некстати вспомнила Линара.

«Джон...» – позвала она про себя. Иногда, казалось, он вот-вот ответит. Ведь снился же он ей раньше. Нилан говорил, что их души соприкоснулись...

Софи не слишком в это верила. Души... Волшебство какое-то, это точно только для эльфов, но не для людей. При мыслях о людях вспомнился Раф, теплый, надежный, и ее маленькое украденное счастье длиною несколько месяцев. Тяжело было кривить душой перед самой собой – она была счастлива там, в Сландене. После того как снова научилась

жить, а теперь ей нужно было приготовиться умереть. «И ради чего? – плакался какой-то голосок внутри. – Да кто такой этот Линар? Кто он тебе? Обратной дороги не будет. Беги сейчас, пока еще можешь, дура!»

В дверь Софи бесцеремонно заколотили кулаком. Она, словно ее мысли могли услышать, испуганно подпрыгнула на постели.

– Выходи, смертная госпожа сердца. – позвала Сцина.

Софи поспешно встала и вышла в комнату. Стол заменили, видимо, постарался Нилан. На нем был разложен странный саквояж с инструментом, напоминающим машинку для татуировок.

– Делала тату? – спросила Сцина. Она была без куртки и в короткой майке, стало видно, что ее запястья, как и запястья Шедара покрывает черная вязь татуировок.

Софи отрицательно помотала головой.

– Это побольнее будет. Вот это, – она показала маленький белесый цилиндр наподобие капсулы-таблетки. – Нам нужно поместить тебе под кожу. Предлагаю пах. Велик шанс, что туда они доберутся не сразу, а кровь всегда можно списать на расцвет твоей женственности.

Софи сглотнула.

– Как скажете.

– Тогда снимай штаны и садись. – Сцина кивнула на стул.

– Прямо здесь?

– Нет, поедem в больницу. Конечно, здесь.

– Но... кто-то может войти.

– Никого нет и в ближайшее время не будет, не волнуйся.

Софи вздохнув взялась за ремень джинсов.

– Разве вас не должно это страшно оскорблять? – все-таки спросила она. Чувствовала себя неловко, раздеваясь перед фактически незнакомой женщиной, а то, что та была эльфийкой, а вязь татуировок на запястьях неустанно об этом напоминала, делало ситуацию еще более смущающей.

– Я прошла три войны. Неужели ты думаешь, что кто-то прошедший через такое может смущаться девчонки в трусах?

– Мда... Наверное, нет. Просто вы ведь эльфийка.

– Я – воин. Это в первую очередь, а мои женские причуды во вторую. Садись сюда и разведи ноги.

Софи подчинилась. Сцина взяла машинку, вставила туда капсулу и растянула кожу у Софи в паху.

– Будет больно. – предупредила она. Софи не успела согласиться, как уже замычала и подпрыгнула от боли. Капсулу с такой силой протолкнули ей под кожу, что из глаз посыпались искры.

– Терпи! – Сцина приложила ватный тампон, собирая кровь. – Эта штучка спасет и тебя и шахране. Ну вот, сразу как-то и полегче, да? Когда знаешь резон, терпеть всегда легче.

Софи, смаргивая слезы, взяла у нее ватку и кивком показала, что все в порядке.

Сцина отстранилась и стала копаться в разложенных медикаментах.

– Так ты правда хочешь его спасти или все это какой-то хитрый план, чтобы себя выгородить? – Софи, морщась от боли, попыталась встать. – Нет, посиди немного. Я сейчас шов сделаю.

– Шов? – испугалась Софи.

– А ты как хотела? Боевиков пересмотрела? В тебе дырка, цветочек, и ты не благородная эльфийка, на которой она заживет через двадцать минут.

– Я в курсе, что я не благородная эльфийка! – разозлилась Софи. Кровь и расползающаяся от раны боль не настраивали на вежливые беседы. – А какого-нибудь обезболивающего у вас нет?

– Есть, а то как же. – Сцина ухмыльнулась, откинув вихрастую челку. Софи онемев глядела на нее. – Да нет у меня ни черта. Терпи как есть. – Она поднесла что-то вроде степлера и поставила ей скобку, стянув края ранки. – Все.

– Точно все? – возмущенно переспросила Софи.

– На сегодня да.

– Черт побери! Ужасно больно!

– Ай-ай-ай, бедная маленькая девочка. Сейчас подую и пройдет.

– Идите вы! – разозлилась Софи. Она прижала ватку, сама схватила со стола пластырь и кое-как заклеила ранку. – Все? Могу я одеться?

– Да уж будь добра.

Софи яростно натянула джинсы и застегнула ремень.

– Скобку нужно будет вынуть, лучше, конечно, до того как ты попадешь в тюрьму. Но как получится. Она, в общем-то, должна бы и раствориться сама, но меня пугают следы. Впрочем, насильники не имеют привычки рассматривать жертв в подробностях, так что будем надеяться на лучшее.

Софи окатило ознобом.

– П-простите?

Сцина застегнула молнию на своем саквояже и с вызовом посмотрела на Софи.

– Ты ведь понимаешь, что самый простой и самый действенный способ задеть шахране – задрать твою юбку у него на глазах. Как думаешь, что с ним будет, когда они это сделают? Они знают эльфов, цветочек. Очень хорошо знают. Знают куда нам надавить, чтобы было побольнее, что пообещать, чтобы мы дали слабину. Не только мы изучали их столетиями, но и они нас. Ты должна быть готова. Не строй иллюзий, что тебе погрозят пальчиком и только. Так что? Ты готова?

Софи с трудом сглотнула вязкую слюну.

– Я однажды попала в плен. – со смешком припомнила Сцина. – Я и еще несколько эльфов. Мы пошли в дерзкий ночной рейд под предводительством кайране Эльтана. И попались. Кто-то погиб, а нас четверых схватили. Их было не так и много, человек тридцать, но из засады, да по подлее – этого оказалось достаточно. Нас схватили, повязали. Они

поняли, кто им попался – сам Эльтан Сиршалленский. Скрутили они его так, только смеяться и оставалось. Я и хохотала с ним вместе. Как сильно они его боялись. Ну за хохот и получила – они разглядели, что я девушка. О, как они радовались. Стали глумиться. Раздели меня перед своими. На парней было жалко смотреть, рычали как звери. Ты не представляешь, что происходит с эльфом, когда на его глазах издеваются над эльфийкой.

– Но я не эльфийка. – заметила Софи. Сцина подняла брови.

– Тебе неинтересно, как я погляжу?

– Не особенно. – призналась Софи. Одной страшной истории про войну ей хватило на всю жизнь.

Сцина посмеялась.

– Да, наверное, это все же старость, тянет повспоминать былые подвиги.

– Давайте без меня. Без обид, но все эльфийские истории отчего-то про то какие люди отвратительные бесчеловечные выродки.

– Это не так. Не все. Просто такие люди отчего-то запоминаются сильнее.

– Может, вы просто хотите запоминать именно таких? – Софи прихрамывая пошла к себе.

– Ты не ответила мне на вопрос. – Софи обернулась. Сцина пристально смотрела своим пугающим ведьмовским взглядом. – Ты правда хочешь его спасти или как?

– А это важно? Вы получите что хотите так или иначе. – Софи отвернулась и похромала дальше.

Вечером к ней в комнату пришел Нилан, отдал ей поднос с супом-лапшой, хлебом, сыром и аккуратно порезанными овощами.

– Спасибо. Ты, как всегда, на высоте. – похвалила Софи и, скрестив ноги, принялась за еду.

– Да брось. Походные условия. – он присел на кровать и ободряюще улыбнулся. Софи после экзекуции с «чипом», просидела остаток вечера в своей комнате, рисуя в воображении картины одну страшнее другой.

– Как ты? – проницательно прищурился Нилан.

– Прекрасно. – соврала Софи, которую от страха слегка мутило.

– Нужно обсудить кое-какие детали, малыш. Хорошо?

– Угу...

– Что ты можешь и не можешь им говорить.

– М...

– Про ваши нежные отношения с Джоном – все что угодно. Лучше даже надавить на это при первой возможности. Сказать, что тебя отмажет шахране Сиршаллена, что он принимает в тебе участие. Это важно, они должны зацепиться за это. Хорошо?

– Угу...

– Про планы эльфов покинуть города и про наше метро –

в самую последнюю очередь. Мы допускаем, что это могут выдавить из тебя. Никто не ждет от тебя невозможного. Но ты должна понимать, что это очень сладкий кусочек, и получив его, они не успокоятся, а станут давить в три раза сильнее в надежде узнать больше. Ты понимаешь?

Софи покивала. В этот момент ее подозрительность и паранойя возросли до той степени, когда она начала сомневаться в каждом брошенном слове. Для кого это выгодно? Для нее или для них? Рядом с ней вообще союзники или просто те, кто хочет использовать ее, а потом выбросить как отработанный материал?

– Я понимаю.

– Вдумайся, пожалуйста, в это повнимательнее. Про то, что Эльтан убивал в Сиршаллене людей или Джон их убивал – это не секрет для них, понимаешь? Они прекрасно знают, что их люди пропали без вести не потому, что задержались на горных озерах. Про то, как Джон забрал тебя – также не секрет. Говори как можно больше правды, и лишь два момента забудь, как будто и не знала. Планы эльфов покинуть Сиршаллен и пути. Справишься? – Нилан нежно заправил ей за ухо выкрашенную в темный прядку.

– Не знаю. – честно сказала Софи. – Но я должна.

– Поговоришь со мной? Как с ними?

Нилан сегодня был очень предупредителен, голос его звучал нежно и вкрадчиво. Он беспокоится за меня или за свою спасательную миссию? – мелькнула у Софи горькая мысль.

– Угу...

Он помолчал, глядя ей в глаза.

– Ты хочешь отказаться? Мы не станем принуждать, ты знаешь.

– Ты же знаешь, что я не откажусь, просто... страшно.

– Я понимаю. Ничего, в первый раз всегда страшно. – Нилан нежно потрепал ее по волосам. – Ладно, как известно, проваленная подготовка – подготовленный провал, так что давай-ка по репетируем.

И они репетировали снова и снова. Нилан подлавливал ее на лжи, несостыковках, запутывал, давил, улещивал. То шутил, то угрожал, заставляя подпрыгнуть на постели от громкого окрика.

Так методом проб и ошибок они выработали складную историю ее пребывания в Сиршаллене, из которой выпала Владычица эльфов и большая часть их с Линаром настоящих чувств.

– Сцина напугала тебя? – спросил Нилан напоследок.

– Я бы сказала, пыталась напугать. – хмыкнула Софи.

– Времена уже давно не те, никто не будет подвешивать тебя на дыбу и записывать признания. Ты просто маленькая девчонка, которая расскажет все после первого окрика.

– Да... Только Линар не маленькая девчонка и не рассказывал им все после первого окрика. – сказала Софи то, что ужасом сдавливало ее горло.

– Это да... – Нилан потер отросшую бороду. – Но тут уже

наша работа. Как только они перевезут тебя к нему, наша задача вытащить вас как можно скорее. Я не могу обещать тебе, что ты не пострадаешь. Но я сделаю все, чтобы вытащить тебя и его как можно скорее. Ты мне веришь?

Софи посмотрела в его голубые глаза в лучиках поддельных морщин. Все в нем было ненастоящее – лицо, борода, морщины, уши.

– Верю. – кивнула Софи.

– Вот и молодец. – Нилан мягко поцеловал ее в лоб. – Спи и не думай ни о чем. Что будет то будет. Поспи.

Софи послушно завернулась в прохладное колючее одеяло и закрыла глаза. Но сны ее были тревожны и то и дело она вскакивала, стряхивая с себя руки палачей, которые ждали ее где-то в будущем.

Не выдержав, она тихонько встала и вышла в коридор. В комнате за столом кто-то тихо разговаривал. Софи подошла и замерла прислушиваясь.

– И что ты выбрала? – спросил Нилан.

– Миндаль и фисташки, конечно. – отозвалась Сцина.

– Ты шутишь? Манго-маракуйя в сто раз лучше.

– Вот и ешь на здоровье, а мне, пожалуйста, миндаль и фисташки. Это лучшее мороженое в Кайрине. Точка.

– Всегда у тебя был скверный вкус и годы его не улучшили. – сокрушенно вздохнул Нилан.

– Зато у тебя он был избирательнее некуда. Где ты там жил после своего исхода? В какой дыре?

– Не всем же уходить как ты – громко хлопнув дверью всего эльфийского мира.

Софи затаила дыхание. Она и сама не знала зачем остановилась. Ей было просто любопытно или она хотела доподлинно узнать их настоящие планы? Неужели она не доверяла Нилану? Он ведь ничего не скрывал от нее? А если все-таки скрывал?.. И она замерла, едва дыша слушая разговор.

– Разумеется, не каждый может быть отважен как *кайране Макидара*. – нагло заявила Сцина.

– Боже, прошу не задирай ты его! – простонал Нилан. – Он просто глупый мальчишка.

– Он просто жалок, и не лезь не в свое дело. – отрезала Сцина. – Ты знаешь кто был его ментором? Знаешь?!

– Да...

– Лучше бы они бросили его на дороге на воспитание бродячим псам. Чему он научил его? Презрению. Ха! Этот неумеха не проливший в войнах и капли крови, еще имеет наглость кого-то презирать! Если кого и нужно поколотить палками, то Шедара. Да так поколотить, чтобы он в синар неделю провалялся... – повисла пауза. – Хватит лыбиться! – цокнула языком Сцина.

– Вы с Эльтаном оба совершенно умилительны, когда дело заходит о младших братьях.

– Нашел кого помянуть к ночи...

– Однажды ты смиришься и может даже поймешь его.

– Ты понял? Смирися? – голос Сцины стал жестким.

– Понял. – Нилан тяжело вздохнул. – Но смириться не смог. Никто из нас не может. Такие как наш Джон или твой сладкий братец Шедар – им нужно было наводить мосты, строить все заново, и во что их превратили такие, как мы с тобой... Нам, старым гнилым развалинам, стоило уйти в леса и подохнуть там.

– В лесах нет миндально-фисташкового мороженого.

– Твоя привязанность к миру людей не делает тебе чести. – заметил Нилан.

– В глазах эльфов ничто не делает мне чести.

Они помолчали, Софи хотела было уже вернуться к себе, но тут Сцина заговорила. Голос ее смягчился, пропала едкость и горечь, даже напускная хрипотца. Софи не видела ее и в первую секунду подумала, что в комнате появился кто-то третий.

– Он грубее их мир. Такой... грязный, кровавый. Все пороки на виду, алчность, жадность, эгоизм – все живет рядом с добротой, самопожертвованием, честью... А мы делаем вид, что у нас нет пороков, но так ли это, Нилан? Мы с тобой знаем эту истину. И за это, именно за это нас отвергает наш народ. Мы словно бельмо... – она усмехнулась, и Софи подумала, что, наверное, она откидывает свою челку. – Бельмо, которое хочется забыть и снова притворяться идеальными. А я не хочу. Я не могла смириться с Согласием о землях, потому что ненавидела людей всей душой. И именно к ним меня выбросила моя дорога. А теперь... теперь мне

нужно притворяться, что я все еще ненавижу их. Это ведь я, Сцина Макидарская, Непримиримая дочь... Господи и кто только придумывал нам всем эти прозвища?

– Макидарская волчица. – сказал Нилан, и Софи услышала улыбку в его тоне. – Клинок Севера...

– Да уж, звучно. Народ облил меня презрением, потому что я не хотела мира. Что сделают сейчас, когда я скажу, что не хочу войны?

– Боюсь, никому уже неинтересно твое мнение, кайране.

– А что он?

– Тебя все еще волнует позиция Эльтана?

– Я отдала ему службу...

– Ты просто в него влюбилась.

Сцина хмыкнула.

– Всякая дева хоть день своей жизни да была влюблена в Эльтана Сиршалленского. Я хоть имела смелость себе в этом признаться.

– Смелости тебе было не занимать.

– А тебе глупости.

– Я славен этим. У каждого свой талант.

– Какой у твоего брата?

Нилан на мгновение замешкался.

– Постоянство. – сказал он с горьким смешком.

– Да уж... Ты подло поступил, побратим. Ты знаешь об этом? – Нилан молчал. – Ты, конечно, не приносил вашему шахране клятв службы, но думаю он, как и его брат когда-то,

вверил тебе свои чаяния. Доверился тебе. И как ты с ним обошелся?

– Когда спасем шахране, тогда и попрошу у него прощения.

Софи бесшумно сглотнула.

– А если ты не спасешь его, а лишь погубишь ту, что он велел защищать? Как ты намерен жить с этим, Нилан?

– Невыносимая жизнь – это проблема которую до смешного легко решить, дорогая.

Сцина хмыкнула.

– Ты не вырос, Нилан. Ничего не понял за эти триста лет. Все такой же...

– Зато я не размяк. – в голосе его зазвучала сталь.

– Как я? Смотри-ка, десятый мнит себя непримиримым воином.

– Раньше ты снимала им головы и смеялась. Шла в бой, распевая макидарские песни. Я помню утро Красного ручья...

– Все мы когда-то были яростными и бесстрашными, алчными до побед и крови. Такова уж эта болезнь – молодость.

– Значит, я все еще молод. – Софи услышала, как он поставил на стол кружку и тихо попятилась.

– Нелестное заявление для трехсотлетнего эльфа. Стареть бояться лишь те, кто не успел поумнеть, припоминаешь старые пословицы?

– Эльфы вечно болтают о вечности вместо того, чтобы за-

няться тем, что происходит здесь и сейчас. Здесь и сейчас, Сцина, мы переворачиваем мир. Тебя в такой момент заботит мой ум?

– Меня заботит твоя душа. Ты так и не понял, что не найдешь в мести того, что ищешь, брат. Даже смерть всех людей на свете не вынет заносу из твоей груди...

– Что ты об этом знаешь. Разве ты любила?

– А ты? Разве ты любил? Или лишь придумал себе любовь?

Софи услышала как шумно отодвинулся стул и быстро юркнула в комнату. Она не успела закрыть дверь и увидела как Нилан стремительно прошел по коридору. Хлопнула дверь, и наступила тишина.

– На выход!

Софи, задремавшая в дороге, встрепенулась. Цепи, сковывающие ее наручники и ножные кандалы громко зазвенели. В грузовике она была одна, сидела на металлической лавке в глухом без единого окошка кузове. Куда ее перевозили никто не озаботился ей сообщить, как и о том сколько ехать. Софи зевнула и поднялась.

Неловко перебирая скованными ногами, подошла к открытой задней двери. Двое охранников, не знакомых, а значит местных, ждали ее у выхода. Рядом разминался водитель и охранник, которые грузили ее в грузовик на предыдущем месте. Софи схватили за предплечье и помогли выйти, а вернее сдернули по короткой лесенке так, что она едва не сва-

лилась. Она не возмутилась. Давно уже привыкла.

Яркое солнце ударило в глаза, и она заморгала, удивляясь, что находится не на широком тюремном дворе, на которых она обитала последние пару месяцев, а у черного входа в какое-то старое, украшенное лепниной, здание из грубого серого камня. Тут было удивительно просторно и пусто. От далеких ворот и высокого забора тянулась лента грунтовой дороги, но вокруг здания не было ни сада, ни единого деревца. Голый ровный газон и пустота.

– Эй! Ты что идиот! – зашипел охранник из грузовика, и на голову Софи тут же надели плотный тканевый мешок. – Дебила кусок! В инструкции же написано – без обзора!

– Да пофиг, веди уже.

И Софи куда-то повели. Тюремная роба стала ей уже привычна, передвигаться в ножных кандалах, конечно, было то еще удовольствие, но далеко не все охранники были жестоки с ней. Были и добрые. Один в ее второй камере, даже носил ей кексы и заводил задушевные разговоры.

Нилан предупреждал, что ей будут подсовывать и сокамерников и охрану, старающихся вызнать то, что она не скажет следователям. Софи помалкивала и придерживалась обычной истории.

Сдалась она, как и планировали, на мелком воровстве. В Альдестане, ее родном городе. Нилан не хотел туда ехать, но она настояла, и Сцина поддержала. Это звучало складно – глупая девочка все-таки приползла в родной город к роди-

телям. Софи заставила Нилана отвезти ее к дому родителей ранним утром. Замерев, окаменев, не чувствуя практически ничего смотрела, как отец уехал в восемь на работу, как мама вышла и ушла пешком на рынок. Софи думала, что ее разорвет от боли, но чувствовала только глухое онемение, тупую тоску. Она знала, что уже никогда не сможет вернуться к ним, и все слезы были выплаканы там, в Сландене прошлой весной, когда она смотрела все интервью мамы по телевидению. Смотрела и понимала, что ради того, чтобы они остались живы и здоровы, никогда больше не увидит их. Нилан беспокоился, что она выйдет из себя и натворит невесть каких глупостей.

Но Софи лишь посмотрела и кивнула. Они поехали подальше, на другой конец города, запарковались у какого-то магазинчика. Нилан смотрел на нее с опаской, встревоженно, но ее уже не могла обмануть его забота. Он волновался *не о ней, а* о том, чтобы она исполнила назначенную роль. В который раз Софи подумала про Джона. Он велел Нилану хранить ее, уберечь от любой беды. Он сказал ей тогда, во сне, что если она жива и счастлива, это станет ему утешением в любом горе. А Нилан легко, походя рискнул ее жизнью. Софи смотрела на свои ноги в кроссовках на резиновом коврике машины и говорила им: идите. Ну же!

«Открой дверь... Открой дверь...» – повторяла она про себя, но продолжала сидеть. Нилан молчал. Если бы он сказал хоть что-то в этот страшный миг, Софи не знала что

бы случилось. Она взорвалась яростью, что ему плевать на ее жизнь? Возмутилась, что он уговаривает ее?.. Или самое страшное – согласилась бы с тем, что она не должна и не обязана?..

Но Нилан молчал. Он сделал именно то, что нужно было сделать, чтобы она вышла из машины и сделала то, что обещала сделать. Промолчал.

И Софи, с острым чувством потери, открыла дверь. Она шла в магазин косметики, прижимая к себе крупную сумку. Шла и понимала, что в этой машине, потрепанном жизнью бордовом седане, какой бы малодушной или решительной она ни была, чтобы ни сделала, ей суждено было потерять друга. Эта минута молчания сказала ей о Нилане больше чем год их якобы дружбы. Он мог гладить ее по голове и вытирать слезы, мог быть заботливым и понимающим, мог ее пожалеть и утешить. А потом безжалостно распорядился ее жизнью в собственных целях.

Она спросила себя: если бы для спасения Линара нужно было пустить пулю ей в лоб и никто не узнал об этом, сколько он колебался? Минуту или меньше?.. «Прости, малыш, ты ведь проживешь еще лет сорок, что такое сорок лет для эльфа...»

Софи хотела верить, что Нилан не стал бы... Хотела верить, что откажись она, и он отпустил бы ее на все четыре стороны, как обещал... и не верила. В любом случае это было не важно, потому что она никуда не собиралась сбегать.

Софи вошла в магазин, посмеиваясь над собой. Она все понимала, что ее используют, что она кусок мяса, которым хотят отвлечь волка, но словно скользя по крутой ледяной горке, уже не могла и не пыталась остановиться. Нилан все прекрасно знал, когда пришел к ней в Сландене. Даже перед перспективой пыток, насилия, смерти она не сможет отступить. Она все равно попытается спасти Линара. «Глупая девочка...»

Ей пришлось ограбить не один, а целых три магазина, прежде чем хоть кто-то соизволил обратить внимание на то, что она выходит с сумкой, набитой зубной пастой под завязку.

А дальше... участок, документы, камера с голосащими шлюхами, пойманными нынче ночью на улицах, а после только одиночки. Допросы, допросы, переезды, допросы, переезды. Следователь номер один лучился от самодовольства – поймал в глухомани какую-то важную рыбку. Следователь номер два делал вид, что не лучится от удовольствия, забирая крупную рыбу у следователя номер один.

Софи чувствовала себя словно персонаж в компьютерной игре. С каждым допросом оппоненты становились все хитрее, вопросы каверзнее, страх сильнее.

Но ее никто не трогал. Один раз дали оплеуху и только, да и то скорее проверить не поддастся ли панике, чем всерьез причинить боль. Софи панике поддалась на все сто – разревелась громко и отчаянно. Ей ничего это не стоило по-

сле всех этих недель напряжения.

Каждый раз, когда ее куда-то перевозили и в комнате для допросов открывалась дверь, Софи с волнением ждала, что войдет Рош или введут Линара, и она поймет, что достигла, наконец, финального уровня в этой игре, но этого все не происходило.

Сначала ей официально сообщали куда ее переводят. Позвонить, правда, так и не дали, но кроме этого все выглядело вполне в рамках закона. Потом стало напоминать скорее похищение. Вместо тюремного транспорта – неприметные фургоны, на голове непрозрачный мешок, на руках и ногах кандалы.

Софи, следуя легенде, возмущалась и требовала соблюдать ее гражданские права. Сама над собой посмеивалась втихаря. Гражданские права... вот умора!

Перевозки было легче всего запомнить в ее монотонных буднях, и она считала их зачем-то. Это была двенадцатая и везли долго, несколько часов. Но ее и до этого возили долго и ничего. Сердце уже не билось взволнованно при каждой выгрузке из машины. Она привыкала мечтать не о вечной любви или о вселенском мире, а о простой горячей ванне, кофе и теплой мягкой одежде.

Ее куда-то вели, держа за предплечья. Скрипели дверные петли, слышались обрывки новостей из работающего телевизора, звякнули раскрываясь двери лифта. Кажется, ее везли вниз, но Софи точно сказать не могла.

Открывались и закрывались двери, лязгали тяжелые металлические засовы, пикали кодовые замки, ее горячее дыхание оставляло на ткани мешка влажный след.

– Садись.

Софи осторожно нащупала спинку стула и села. Ее пристегнули к столу – уже привычная допросная процедура – и сдернули мешок.

Пока она промаргивалась и пыталась смахнуть с лица спутавшиеся волосы, хлопнула дверь. Охранники вышли. Софи смогла наконец привыкнуть к яркому свету и замерла.

За столом напротив нее сидел Линар.

Софи онемев глядела на него.

Линар сидел на странном металлическом стуле, руки, похоже, лежали на подлокотниках, но Софи их не видела из-за стола. Глаза его были закрыты, он словно дремал.

Софи сглотнула и посмотрела на огромное во всю стену зеркало слева от стола. В допросных частенько висело такое. Софи, конечно же, знала что там, с другой стороны, кто-то стоит и смотрит на них. Она отвернулась и снова посмотрела на Джона, жадно выхватывая делали.

У него появился новый шрам на виске, тянулся на скулу. И волосы... Его обрили, почти налысо. Острые уши так и притягивали взгляд. Он был в простой белой футболке, из ворота виднелись ключицы. Он похудел. Но в остальном вроде был в порядке.

Софи снова нервно сглотнула, не зная, как начать разго-

вор и стоило ли его начинать. Она приподняла руки, звякнула цепочка между наручниками, пристегнутая к пазу на столе. Линар нехотя открыл глаза.

Он ничего не сказал. Софи тоже молчала. Мгновение он смотрел на нее, а потом снова закрыл глаза. И только тогда крохотная складка, очень привычная так нелюбимая ею, стала прорезаться у него между бровей. Сколько раз она говорила ему не хмуриться... Было ли это с нею и с ним? Или с кем-то другим в другой жизни?

Брови Линара сошлись на переносице.

– Тебя не должно быть тут... – прошептал он тихо.

– Да уж, не должно, – Софи слабо улыбнулась.

Он открыл глаза и посмотрел на нее с надеждой.

– Ты с ними заодно? – прозвучало так, словно это была последняя соломинка за которую он отчаянно хотел ухватиться.

– О, если бы.

Джон закрыл глаза снова. Минуту он хмурился, чуть поворачивая голову, словно прислушивался к чему-то недоступному слуху Софи.

– Недаром народ проклиняет предавших lin'ya. Для них нет ничего святого и долг их – служить лишь себе. – сказал Джон глядя в пространство и вдруг вдохнул, разом стряхивая апатичную дрему и посмотрел на нее прямо и с вызовом. – И что ты тут позабыла, София? – сказал он, презрительно оглядев ее.

Софи почувствовала, как внутри что-то екнуло от обиды, но так несерьезно, словно ее ткнули спичкой вместо иголки. Конечно же, Джон врал, наверное, он что-то придумал, а она, тупоумная дура, не может постичь. Но правда была в том, что ничего тут было не придумать. Хотя отрицай их связь, хоть клянись друг другу в вечной любви, все равно никто и ничему не поверит. На слово.

– Пришла тебя спасти, конечно же. – усмехнулась Софи. – Что мне тут еще делать? Не отпуск же коротать.

– О! Я польщен. – Джон усмехнулся. – Какая преданность для смертной жены. Я, видно, здорово впечатлил тебя, раз удостоился твоей помощи.

– Да как сказать. – Софи хмыкнула. От этих его слов, ее разобрала злость. Она не смертная жена, черт побери!

– Что ж, тогда будь добра – окажи же мне свою поддержку. – Он кивнул на свои руки, скрытые столом. Софи чуть приподнялась, чтобы увидеть, что его стул, тяжелый металлический, был вмурован в пол, а руки пристегнуты тремя парами стальных браслетов толщиной в два пальца каждый.

– М... Извини, у меня, как видишь, такие же аксессуары. – Софи пошевелила руками, и наручники с цепочкой громко звякнули.

– Любопытная нынче мода среди людей. И давно ты такие носишь?

– Да уж месяца два.

– Прискорбно. – сказал он так, словно Софи объявила, что

сломила ноготь. — У тебя всегда был сомнительный вкус. Не стоило их надевать.

Софи замерла, с трудом справляясь с собой, но все же выдала:

— Не тебе решать.

— Да, не мне.

И они умолкли.

Сидели и смотрели друг на друга, и Софи казалось, что шепот Линара звучит у нее в голове.

«Зачем... За что?!... За что ты так со мной? Я же сделал все... я позаботился... Почему ты здесь?! Этого не должно было быть!»

Он говорил это не словами, а одним взглядом, движением бровей, горькой едва заметной улыбкой на губах. Софи прекрасно видела, что Джон раздавлен ее появлением тут, что его худший страх осуществился. Он еще какое-то время помолчал, а потом посмотрел на нее очень жестко.

— Выглядишь ужасно. — презрительно бросил он. — Если рассчитывала вызвать во мне жалость, то преуспела. Если желание, то прости, но даже на смертном одре мне мерещатся девы красивее тебя.

— Не было времени привести себя в порядок. — Софи тряхнула отросшими волосами. Она представляла, как выглядела: пробивающиеся рыжие корни, обломанные обгрызенные ногти, лицо, которое два месяца баловали только ледяной водопроводной водой. — Я думала тебе, ну знаешь, ты же

у нас не Эльтан там какой-нибудь Сиршалленский, и я сто- жусь.

Джон усмехнулся, и Софи с болью увидела в нем просту- пившие изменения: он не сутулился, не позволял себе, но во взгляде поселилось что-то тусклое, затравленное, траурное. Он ждал конца. Был готов умереть.

– Как ты сам? – спросила она небрежно.

– Не нужно. – он насмешливо скривился. – Изображать сочувствие никогда не было твоим коньком. Что тебе пообещали за это прекрасное представление?

Софи улыбнулась. Наверное, Джон хотел, чтобы она подыграла ему, изобразила отвергнутую глупую девочку, ко- торая была влюблена и рассчитывала на взаимность, а эльф безразличен к ней, и значит ее, может быть, отпустят...

Наверное, Линар рассудил, что лучше попытаться сыграть эту последнюю карту, но Софи знала, что это бессмысленно. Не для того ее возили два месяца из одной тюрьмы в другую, чтобы отпустить на все четыре стороны.

– Ты очень жесток, Линар. Ранишь мои чувства. – сказа- ла она похлопав ресницами и рассмеялась. – Почему ты так говоришь? Разве ты не любишь меня? – Софи изобразила удивление, но комично, явно насмешничая.

Брови Джона изумленно приподнялись. Он прыснул.

– Люблю тебя? Тебе, видно, отбили голову, пока тащили сюда.

Софи искренне фыркнула от смеха. Боже, как же ей было смешно! Любовь! Чувства! Боже, да кого они сейчас вообще волновали.

Любила ли она Джона? Да, любила. Все внутри сжалось, когда она увидела его, горло перехватило и захотелось разреваться то ли от счастья, то ли от ужаса. Она добралась! Добралась до него! Увидела его, хотя думала, что никогда уже не увидит!

И что? Да ничего! Это ровным счетом не значило ничего. И эти его жалкие попытки что-то изобразить только смешили ее.

– Хватит, Джон. Ни для кого тут не секрет, что между нами было... что-то. – Софи закатила глаза, едко насмешничая. – И теперь я по уши в дерьме. Мы оба, собственно. Спасибо тебе.

– Ты мастерица отдавать вину любому, кто готов ее взять. Что ж, я не против стать причиной всех твоих бед. В чем же я повинен? – Он поднял брови, и Софи поняла, что они говорят почти правдиво.

– Ты прекрасно знаешь в чем ты повинен.

– Тогда что ты тут делаешь?

– Отдаю долги.

Он замер. Софи прекрасно знала, что она сказала. Что не любит его. Что пришла сюда не потому, что душа разрывалась от боли, не потому, что жизнь без него была хуже смерти. Хотя иногда так и было... Но сейчас Софи было все рав-

но. Она сделала, что должна была. Вот она тут, в наручниках, вот Линар напротив. Ура, свершилось. Она добралась. А дальше... Для нее давно уже не было никакого «дальше». Софи прекрасно понимала, что если Нилан и макидарцы потеряли ее в пути, все тут и закончится. И для нее и для Линара и для всех их «чувств». И животный, людской прагматизм щерился внутри от страха. Простого звериного страха гибели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.